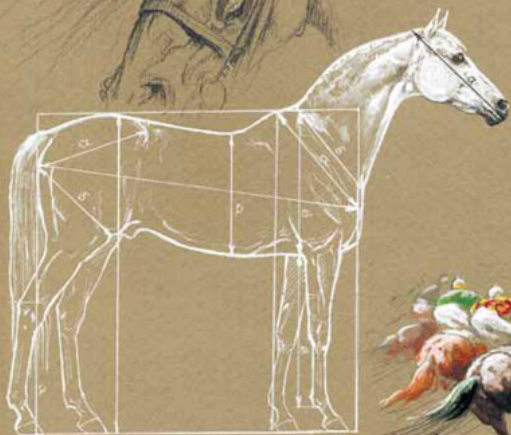

Дмитрий
Урнов

НА БЛАГО
ЛОШАДЕЙ

Дмитрий Михайлович Урнов

На благо лошадей.

Очерки иппические

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8643735

*Дмитрий Урнов. На благо лошадей. Конный мир за последние
семьдесят лет. Очерки иппические: Издательство им. Сабашниковых;*

Москва; 2011

ISBN 5-8242-0126-9

Аннотация

Дмитрий Михайлович Урнов (род. в 1936 г., Москва), литератор, выпускник Московского Университета, доктор филологических наук, профессор. Автор известных книг «По словам лошади», «Кони в океане», «Железный посыл», «Похищение белого коня». Новое издание «На благо лошадей» адресовано как любителям конного спорта и иппической литературы, так и широкому кругу читателей.

Содержание

К читателю	5
Словами лошади	7
«Словами лошади»	9
Волшебный мир	48
Жизнь на благо лошадей	84
Миллион Николая Насибова	114
Абсент по соседству	124
Требования к хорошей лошади, или Всегда в посыле	141
Жизнь замечательных лошадей	145
Вечные кони	147
Конец ознакомительного фрагмента.	150

Дмитрий Урнов
На благо лошадей.
Конный мир за
последние семьдесят
лет. Очерки иппические

Иллюстрации Алексея Глухарева

Издательство и автор выражают признательность за разрешение использовать фотографии из журнала «Смит-сониян», из архивов агентства «Новости», ипподромов Йонкерс, Лорел, Московского ипподрома и Музея коневодства, Натальи Костиковой

Предварительная редакция и консультации Ответственного Секретаря Содружества рысистого коневодства, капитана Первого ранга О. А. Горлова

Редактор Л. Заковоротная

© Издательство им. Сабашниковых, 2011

© Д. М. Урнов, 2011

© А. Н. Глухарев, иллюстрации, 2011

К читателю

В нашем современном мире вдруг начал возрождаться интерес к литературе о лошади, появляются издания, целые сборники художественных произведений, пользующиеся спросом у читателей. Замечательные писатели различных стран в своей жизни соприкасались с лошадьми, конным миром. Однако только единицы участвовали непосредственно в тренинге и испытаниях лошадей, работе на конюшне ипподрома, запросто общались с корифеями: от всемирно известных ученых, аристократов до наездников, жокеев, ковбоев.

Именно такой обширный опыт имел и в полной мере использовал Дмитрий Михайлович Урнов. Конно-Спортивная школа «Труд», Московский конный завод № 1, Центральный Московский ипподром, Одесский ипподром, Кавказ, Киргизия, Англия, США, Франция, Австралия, Новая Зеландия – всюду, где только удавалось ему побывать, он, литературовед по профессии, старался соприкоснуться с лошадьми и конниками. Первый Международный конный аукцион, Международный Приз Мира, первые выступления наших рысаков за океаном – он оказался свидетелем и даже участником важных конноспортивных событий, не только зрителем на трибунах.

Уникальные возможности, представившиеся Дмитрию

Михайловичу, позволили ему рассказать о виденном, познакомить нас с замечательными людьми и лошадьми. Его книги «По словам лошади», «Кони в океане», «Железный посыл», «Похищение белого коня» стали поистине бестселлерами 1960–1970-х годов. Дополненные и переработанные очерки из этих книг составили основу нового издания, озаглавленного «На благо лошадей». Выражаем уверенность, что оно станет прекрасным подарком любителям конного спорта, а также настоящим литературным памятником конникам и лошадям прошедшего века.

В настоящее время Дмитрий Михайлович на пенсии, недавно справил свое 75-летие, активно сотрудничает в таких изданиях, как «Беговые ведомости» и альманах «Ахал-Теке», он продолжает помогать российским конникам в их международных контактах.

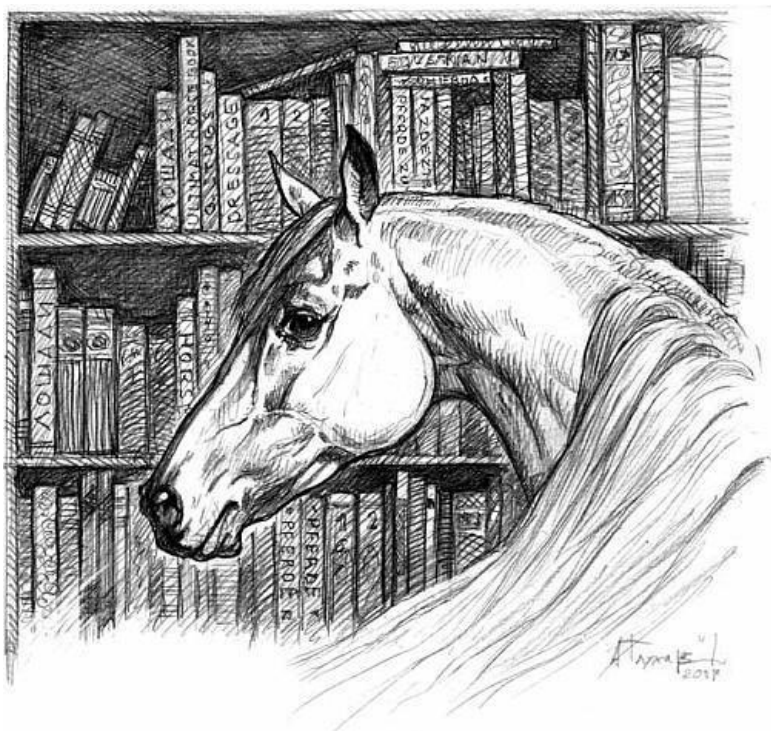
А. П. Ползунова

*Вице-Председатель Содружества рысистого коневодства,
мастер-наездник,
кандидат сельскохозяйственных наук*

Словами лошади

«Лошадь заржала с такими разнообразными модуляциями, что я подумал, уж не разговаривает ли она на своем языке».

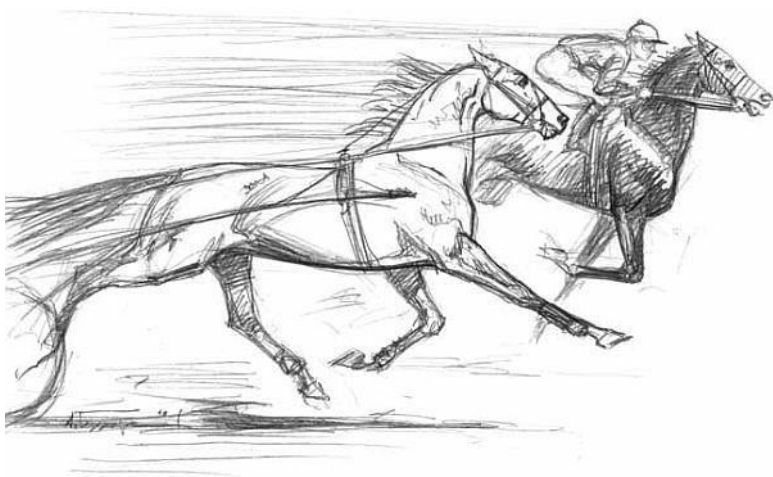
«Путешествие Гулливера в Страну Игогогов»

«Словами лошади»

«Я проходил вдоль скачек...»

А. Блок

Мой дед, старый воздухоплаватель, хотел видеть меня авиатором. Когда было мне пять лет, каждое воскресенье ездили мы с ним смотреть самолеты. От Пушкинской площади отправлялись на троллейбусе к аэропорту, и где-то на полпути слышался голос кондуктора: «Бега!»

– Дед, что значит «бега»?

Дед ревновал мои интересы ко всему, что только не *лечение*, разъяснять ненужное считал излишним и отвечал всего-навсего:

– Там бегают лошади.

Однако, сам того не желая, он-то и открыл мне конный спорт. Он давал мне рассматривать старые журналы начала века, когда только появились первые самолеты, похожие на книжные полки, какие теснились у деда вокруг письменного стола. Дед видел полеты Райта, говорил с пилотом Нестеровым, и, конечно, если он сам перелистывал страницы и стучал пальцем по картинкам, я смотрел только на самолеты. Разглядывая журналы без него, я видел не одни летательные аппараты, но и многое другое, например, лошадей. Лошадей попадалось гораздо больше, чем «летунов».

Дмитрий Урнов. В Орегоне, 1995 г. Фото Фила Кайса.

Тройка Александра Панкова на Парижской выставке.

Наставление сыну. Шарж И. Б. Воробьевой-Урновой,
1940 г.

Шалун, Копыток и Буланный – первые лошади, на которых научил меня ездить верхом сын конюха Иван Баранов. 1947. Зарисовка И. Б. Воробьевой-Урновой.

На перегоне скота в Северной Дакоте.

«Что ж сгорбился, как кот за заборе?!!» – комментарий
Н. Будённой. 1979 г.

Кучера и ковбои. Ферма «Акадия», Нортфильд, Огайо.
Фото из журнала «Хорс энд Шоу», 1969.

«Волшебный мир» Алексея Шторха, жокея и художника.

«Вожжи в руках». Виктор Эдуардович Ратомский. Фото А. Шторха.

Барбаро в руках Эдуардо Прадо берет Дерби в Кентукки.
Фото «Ассошиейтед Пресс», 2006.

Кунак – чемпион породы 2006 г. на выводке ЦМИ, чемпион России 2009 г. по типу и экстерьеру, победитель приза Крепыша 2007 г., производитель конного завода Климента Мельникова.

Лотос – неоднократный победитель в Париже, Казани, Уфе, ЦМИ. Тренер – мастер-наездник международного класса Виталий Константинович Танишин.

Мемуары Якова Ивановича Бутовича «Лошади моей души» – подарок конникам. Изданы К. Мельниковым, владельцем конного завода.

На конном заводе Климента Мельникова.

Я увидел: бега – это лошади с маленькими двухколесными повозками. Кроме того, есть скачки – там же, на бегах, но ездок сидит не в двухколеске, а верхом. Мне стали знакомы имена, встречавшиеся в журналах особенно часто: Крепыш и Кейтон. Крепыш был серый с черными кожаными крышками на глазах, Кейтон – в очках, как пилот, и с хлыстом в руке.

Журналы были подобраны у деда образцово, и прежняя жизнь разворачивалась передо мной в последовательности. Без пропусков, по порядку мог я проследить, как полвека тому назад готовился Интернациональный приз, как все волновались, взвешивали, кто же победит: наш великан Крепыш

или же гнедой американец Дженераль-Эйч? Толпа чернела на фотографиях: шла на бега Москва смотреть схватку орловца с иностранцем.

Решался вопрос спортивной национальной чести. Лошадь еще сохраняла всю полноту своего значения в хозяйстве, армии, и потому среди других видов спорта первенствовали бега и скачки. Строились конюшни, где лошадям было предложено если не на золоте есть, то во всяком случае стойла для скакунов сооружали чуть ли не мраморные, – бестолковый, однако внушительный памятник тогдашнего отношения к лошади. Манежи действовали в центре больших городов. Когда бежал Крепыш, на ипподром отправлялась вся Москва. Будто сам я был в той толпе и, подымаясь на носках, старался увидеть, как пройден первый круг, – настолько переживал я за Крепыша. Он проиграл! Не потому, что оказался хуже, а из-за коварства Кейтона. Снова и снова разбирал я в журнале статью про исторический бег, всегда задерживаясь на последних строках: «Жаль Крепыша!» А потом вдруг почему-то говорилось в журнале: «Как жаль уходящей молодости!»

С тех пор, если отправлялись мы с дедом смотреть самолеты и кондуктор говорил «Бега!», мне всякий раз вспоминалось: «Жаль уходящей молодости!»

Недавно все в том же троллейбусе молодая женщина с малышом спросила:

– Какая следующая остановка?

Кондуктора теперь в троллейбусе не было, и я ответил:
– Бега.

– Мама, что такое «бега»? – спросил мальчик.

«Жаль уходящей молодости!» – произнес я про себя.

Женщина сказала:

– Не знаю.

Что такое бега? Какая разница – бега и скачки, рысак и скакун, наездник или жокей? Чем чистокровная лошадь отличается от чистопородной? Орловский рысак – из Орла? После верховой езды ноги обязательно становятся кривыми? Про Вронского и Фру-Фру у Толстого – правда? Что значит Холстомер, мерин и пегий? Когда говорится «посыл», это куда или что посылают? Почему у лошадей селезенка от сытости екает? Лошади едят только овес? Что важнее: хороший ездок или хорошая лошадь? Что такое лошадь, в конце концов? – такие вопросы приходилось слышать множество раз.

Не сделался я по профессии ни летчиком, ни лошадником, а стал литератором и лишь отчасти лошадником. Для меня самого иные из этих вопросов, если взять их в высшем, специальном смысле, остаются темны.

– Вожжи в руках, – только и услышал я от опытного наездника, когда добивался, почему лошадь, на которой еду я, идет боком, а у него – на чистом ходу.

Я тогда начинал ездить и делал ошибки простейшие. Наездник мог бы объяснить подробнее, указать приемы. Он же сразу сказал о главном секрете. Позднее приемы стали

мне известны. Я узнал про лошадей и езду едва ли не все, что можно и нужно было узнать, однако неуловимая магия мастерства, *tact équestre*, как выражался знаменитый ездок Филлис, «чувство лошади» по-прежнему не давалось мне, и, терпя неудачи, я твердил про себя те же слова.

«Вожжи в руках» – вот таинство. Садится один, и лошадь, чувствуя руки, идет как часы, ноги не сменит, а у другого – никак.

В рассказе «Изумруд» Куприн поймал момент идеально-го хода. У него раскрыто таинственное взаимное понимание между наездником и лошадей. Серый Изумруд вспоминает своего наездника: «Он никогда не сердится, никогда не ударит хлыстом, даже не погрозит, а между тем как радостно, гордо и страшно приятно повиноваться каждому намеку его сильных, умных, все понимающих пальцев. Только он один умеет доводить его – Изумруда – до того счастливого, гармоничного состояния, когда все силы тела напрягаются в быстроте бега, и это так весело, и так легко».

Гамлет у Шекспира с восторгом наблюдал конную репризу знаменитого французского ездока Ламона:

*К седлу, казалось, он прирос и лошадь
К таким чудесным принуждал движениям,
Что он и конь его как будто были
Одно творение.*

О подобном искусстве и говорят «чувство лошади», «ру-

ки» или «железный посыл», то есть умение взять от лошади все, что можно, или даже больше того, на что она вообще способна. Это – высшее. Меня сокрушали задачи куда более скромные. Я нашел их описанными в «Зазеркалье» у Льюиса Кэрролла, что, впрочем, естественно, ибо (как иные утверждают) наиболее причудливые и самые современные понятия о положении человека в пространстве и даже сама теория относительности могут быть вычитаны из этой детской книжки. О положении в седле там говорится вполне актуально, по крайней мере, для меня.

– Великое искусство верховой езды состоит... – с этими словами рыцарь Зазеркалья обычно вываливается из седла.

Моя беда заключалась и в том, что я старался постичь навыки езды слишком филологически (по основной своей специальности) – через слова. Как называется? Что это такое? – без этого я не способен был двинуться. И находились наездники, тренеры, которые терпеливо втолковывали, что и как. С умением, вообще характерным для лошаадников, они говорили картинно, что называется, по охоте, как и подобает этому живописному делу. Особое владение хлыстом, посыл, сборка, понимание пэйса (резвости),¹ величие былых и нынешних мастеров – все это сверкало в их устах и у меня перед глазами, однако неизбежно вставала грань, за которой объяснения бессильны: «Вожжи в руках!»

¹ От англ. «расе» – в отличие от спида (speed) означает не скорость бега, а напряжение борьбы на дорожке.

Отчасти тут есть и филологическая – словесная проблема. «Кататься пришел?» – иногда спрашивают меня на конюшне и обижают жестоко. Катаются на пони детишки в зоопарке! А я что – мальчик? Новичок? Разве надо за мной присматривать, когда я сажусь на лошадь? Обидеть, конечно, и не думают. Так чаще всего говорят люди, которые сами-то не очень понимают дело, на конюшне они оказались случайно. От мастеров «кататься» не услышишь. «Будете ездить? Отработаешь гнедого», – таковы их слова. У конников, как в любой профессиональной среде, есть свой язык, которым они пользуются виртуозно, и всякий, кто сколько-нибудь их понимает, различит в речи конюшни красочно выражаемые тончайшие смысловые оттенки в описании лошадей и взаимоотношения с ними. Конники пользуются и обычными словами, но с особыми ударениями и отличительным произношением, и если шахтеры говорят «дóбывча», то наездник скажет о жеребце «резóв».

«Истинные конники вообще ездить не любят», – энтузиасты доходят и до таких крайностей. Лошадь для них предмет созерцания и восторгов, словом, переживаний, а не практического использования. Но уж если говорить о понятиях, среди конников принятых, то на лошади не катаются и не ездят. «Лошадь ездят», «лошадь работают» – такие существенные оттенки подчеркивают активность всадника; они передают серьезность, системность, сознательность обращения с лошадью, это как всякий труд, как любая работа.

У неискушенных при виде лошади или при мысли о ней возникает импульс мчаться, лететь, нестись. «Конь несет меня лихой, а куда – не знаю», – сказал поэт, и всякий, кто подобно Дон-Кихоту, почерпнувшему из романов представления о рыцаре, всякий, говорю я, кто также вычитал лошадей из книг, убежден, будто на лошади надо обязательно нестись и лететь. Между тем у конников нет доверия к всаднику, который только и может, что носиться на лошади. «Что вы носитесь?» – спрашивают его с досадой, то есть, почему человек не управляет, не распоряжается лошадью сам, а она его таскает, куда ей вздумается.

Дон-Кихот, едва только выехал за ворота, тотчас бросил поводья, предоставив Росинанту выбирать дорогу и думая, что в этом состоит вся тайна приключений. Рыцарю печального образа приходится все время искать приключения и навязывать свое благородство. «Остановись, несчастный! Дай я тебя спасу и вообще облагодетельствую!» Он получает за это по заслугам. Кому, в самом деле, надобно насильственно навязанное благородство? Так и езда на лошади удастся лишь при естественном положении всадника в седле, когда лошадь совершенно подчинена человеку, а он, располагая ею, позволяет ей показать свои способности, свою силу.

По страницам книг лошади обычно носятся. «Куда несешься ты?» – спрашивает Гоголь свою тройку. «Люблю скакать на горячей лошади», – говорит у Лермонтова Печорин, а затем, когда приходит решительный момент, мы

видим, как он «беспощадно погонял измученного коня, который, хрипя и весь в пене, мчал по каменистой дороге». Впечатление как бы стремительной скачки. Можно, однако, представить более реально, что это была за резвость. Печорин полагал делать пять верст примерно в десять минут. Стало быть, километр минуты за полторы или чуть больше. Это размашистый галоп, по-казацкому намет. Скачка же, которая действительно способна оставить впечатление полета, совершается на ту же километровую дистанцию менее минуты. Конечно, Печорин не жокей, его Черкес – кабардинец, а не чистокровный скакун, и кавказские перегоны – не дорожка ипподрома. Для обычной лошади в обычных условиях это, разумеется, быстро. Надо только учесть достоверность внешнего впечатления: что на романтическом языке называется «мчать» – в самом деле довольно медленная процедура.

Не позавидуешь человеку, если лошадь действительно понесла. И у него не явится никаких поэтических чувств, кроме отвратительного ощущения бессилия перед ожесточившимся, обезумевшим животным. Нет, лучше уж объясняться с лошадью на скромном и суховатом, на дружески деловом языке.

«Жаль, – говорил Гете, – что лошадь лишена дара речи». «Лошадь не человек, – признает крупнейший американский наездник Стэнли Дансер, – она не скажет вам, когда чувствует себя готовой к резвой езде». «Мне известно это со слов самой лошади», – уверяет англичанин, если он заядлый лошаде-

ник и хочет подчеркнуть, будто у него прогнозы на розыгрыш призов самые достоверные. А кто лучше лошади знает, на что она окажется способна? Но ведь «слова лошади» – это только фраза, настолько привившаяся в английском языке, что ею обозначают вообще точные сведения. На самом деле лошадь не доверит ни полслова своих секретов. «У лошади интервью не возьмешь», – сокрушался журналист Ирвинг Радд, умевший развязать язык у кого угодно.

Мне приходилось быть у конников переводчиком, а посторонние люди, услышав об этом, спрашивали: «Лошадям переводите?» О, если бы в самом деле владел я лошадиным слогом! По крайней мере, так, как владеют им истинные знатоки лошадей, о них пишущие. «Курские помещики хорошо пишут», – говорится у Гоголя. Конники, надо признать, пишут не хуже. Что курские! Если коснется скачек или конских статей, то есть надобности передать восторг и великолепие бега кровной лошади или все оттенки ее форм, то иные из конников, взявшись за перо, не уступят в этом не только курским, но орловским и даже тульским – классическим описаниям лошадей Тургенева и самого Толстого. Они и пишут так, словно классный рысак бежит, – не меняя ноги. Виноват, руки... Сила слога, изящество, отчетливость и картинность действительно подобны у них слаженным и стремительным движениям породистого коня. Нет, я перевожу только людям. Мне повезло хотя бы в том, что я слышал выдающихся конников, ездил с ними и потому из первоисточ-

ника узнал конный спорт – «по словам лошади», как он есть.

* * *

Время фантастической техники, эра космоса, а все-таки, стремясь к Луне, человек не забывает первозданного транспорта. Пожалуй, чем ближе к Луне, тем дороже становится лошадь. «Ну, поехали!» – по-кучерски сказал на старте Юрий Гагарин.

«А лошадь настоящая?» – спросил современный маленький мальчик, увидев на фотографии коня рядом с автомобилем. Машиной его не удивишь... Что мальчик! Взрослые люди, которые еще верят в существование лошадей, должно быть, не подозревают, что средних достоинств скакун стоит сейчас больше, чем самый роскошный автомобиль. Как предмет экспорта лошади находятся в одном ряду с классическими произведениями искусства и уникальными драгоценностями. И в самом деле, лошадь является своего рода произведением искусства – коневодческого чутья и тренерского умения. Победа, подобная высшему олимпийскому пьедесталу или выигрышу Приза Европы, венчает целенаправленные усилия множества энтузиастов. Ведь прежде чем мастер-ездок сядет в седло или возьмется за вожжи, нужно воспитать лошадь. И вот увенчаны лаврами Абсент и Анилин, Ихор и Легион. Мы радуемся успехам тех, кого видим рядом с ними. А между тем на конном заводе где-нибудь

в Сальских степях не только зоотехник, составлявший подбор родителей будущего чемпиона, не только тренер, впервые положивший на него седло или надевший сбрую, не только конюх, чистивший и кормивший его изо дня в день, но даже ночной сторож скажет с гордостью: «Это мой конь!» И в подтверждение своих слов расскажет, как он, дежуря на конюшне, каждую ночь подбрасывал прославившемуся коню свежего сенца, какие были у него, тогда еще никому не ведомой знаменитости, повадки, каким он с детских лет отличался норовом.

Мы говорим о лошадях все чаще еще и потому, что конный спорт становится у нас все более массовым. Были ведь и предрассудки, в силу которых конный спорт третировался как нечто «аристократическое», узкое, а стало быть отживающее: «Проехать на лошадке в Гайд-парке или в Булонском лесу...» Почему же? Разве Сокольники, Измайлово или окрестности наших кавказских курортов менее подходят для прогулок верхом? Стоило открыть первые, еще весьма скромные прокатные конюшни, как возле них выстроились длинные очереди желающих.

Конный спорт отличается долголетием, и ему, как благотворному чувству, оказываются покорны все возрасты. Такой известный любитель верховой езды, как Лев Николаевич Толстой, не расставался с конем до конца своих дней, до восьмидесяти лет. А шведский всадник Сен-Сир стал олимпийским чемпионом, когда ему было уже за шестьдесят. Ге-

нетик Добжанский в поисках дрозофилы не покидал седла.

Нет, не содержится противоречия в том, что, двигаясь на космических скоростях, современный человек не забывает: «Несется конь быстрее лани...» Конечно, по нынешним понятиям эта скорость весьма относительная, довольно скромная. И все-таки конь продолжает сопутствовать, служить человеку прежде всего потому, что это существо связывает человека с чем-то истинно земным, что было, есть и будет каждому из нас дорого. «Езда на лошади – увлечение не из поверхностных. Нельзя поехать и бросить, как откладывают в сторону колоду карт. Это возвышенная страсть. Она поглощает человека целиком, и едва она овладела вами, вы должны знать, что в жизни вашей произошла коренная перемена». Это – Эмерсон.

Существует богатая *иппическая*, то есть лошадиная (от греческого *Hippos* – лошадь), литература. Лошадям посвящены поэзия и художественная проза, увенчанные строками Гомера, Пиндара и Шекспира, Пушкина, Лермонтова, Блока, произведениями Сервантеса и Свифта, Толстого и Куприна, Голсуорси и Шервуда Андерсона. Есть замечательные повести о лошадях – «Красавец-Вороной» Энн Сиуэлл, «Мустанг-иноходец» Э. Сетон-Томпсона, «Дымка» Виля Джемса, «Внук Тальони» Петра Ширяева, «Браслет 2-й» («Декрет 2-й» в 1-м изд.) В. А. Брандта, «Чубарый» Ольги Перовской. Кто из читателей моего поколения не помнит, какую популярность завоевала повесть «Прощай, Гульсары»

Чингиза Айтматова? А как сейчас зачитываются «скаковыми» детективами Дика Френсиса!

В различных наставлениях от «Гиппики и Гиппарха» Ксенофонта до «Основ выездки и езды» (1890) Джемса Филлиса, от «Правил езды» (1842) Сергея Шишкина до новейших пособий и многотомной «Книги о лошади» под редакцией маршала С. М. Буденного – отсюда всякий интересующийся почерпнет полные специальные сведения и практические советы.

Вернусь к мастерам, которых мне посчастливилось знать и слушать. То были мастера-коневоды, мастера-наездники, опытные конюхи и кузнецы, знатоки породы-иппологи, а также профессора литературы, терпимо относившиеся к моему увлечению. Один из них, не только ученый, но и поэт, Илья Николаевич Голенищев-Кутузов, удостоил меня мадригалом, в котором есть, однако, строки с намеком:

*Торгуйте лошадьми, Димитрий, милый друг,
Не продавайте лишь Пегаса...*

Написано это было, когда, задерживаясь на конюшне, я запаздывал со сдачей статьи об английских романтиках. Облик моих старших друзей и наставников с годами в моей памяти становится яснее. Для меня они не ушли. И потому я не меняю того, что однажды о них написал, словно я только что увиделся с ними.

Пусть давно на покое, но здравствует Асигрит Иванович Тюляев, не только тренер лошадей, но и наставник наездников, у него прошли выучку наши лучшие мастера. О нем мало сказать – знаток, это фанатик лошадчества, если воспользоваться словом, образованным по аналогии с человечеством. Сам он о себе говорит так: «Когда я слушаю хорошую музыку и хороших певцов, мне кажется, будто я нахожусь среди лошадей».

Тюляев мне однажды написал: «Вся моя жизнь прошла с лошадьми, ипподромными, городскими и заводскими, и за всю жизнь ни одного раза не имел дело с тотализатором. Так же, как не играл в карты. Ни времени на это ни было, ни желания. Быть может, это отголоски «толстовства» молодости моей. В основу нашего воспитания вошли опера и балет Большого театра, а также Художественный театр. «Три сестры» и Вершинин-Станиславский остались в моей жизни навсегда. Помню и тишину зрительного зала, и слезы зрителей, и восторги курсисток».

Тюляев – человек высококультурный, если слово «культура» понимать широко, охватывая не только образованность, но и самый образ жизни, а в каждом образе жизни, известно, все переплетено органически, как в почве. «В школе наездников я преподавал одиннадцать лет и в школе тренеров –

шесть, – продолжает он рассказывать о себе. – Из-за войны школа в Хреновѣм закрылась, тогда Калантар, хороший человек, верный товарищ, перевел меня в Деркульскую школу жокеев, где я был семь лет. Ушел из школы из-за того, что заболел эпилепсией, которая появилась у меня благодаря (так – Д. У.) ссылке в Мордовию моей жены, первой русской беговой наездницы, Веры Владимировны Костенской».

С Костенской я был знаком только через переписку и не считал возможным спросить, как и за что она была сослана. Но из опыта общения с конниками, на долю которых выпала та же горестная судьба, я могу, мне кажется, назвать основую причину – зависть и конкуренция, а уж под эту борьбу интересов личных подводились политические мотивы.

«Если бы подробно описать жизнь бегового мира того времени, – заключает Тюляев краткий очерк своей супружеской истории, – начала века, со слов моей жены, и ту среду, в которой она вращалась, то получилась бы книга весьма интересная для любителей бегового дела. Ведь В. В. была знакома с закулисной жизнью конюшен, а от знания закулисной жизни зависит очень и очень многое, эта жизнь, скрытая от глаз, интересна и поучительна, она выражает действительность, о которой часто не упоминают или не придают ей значения – по незнанию».

Закулисная жизнь конюшни отражена Эртелем в «Гардениных». Закулисная интрига и просто-напросто мошенничество – на это есть намеки и в купринском «Изумруде».

О пьесе «из жизни русских извозчиков» услышал я в Нью-Йорке. Возница, стоявший со своим экипажем у Центрального Парка, мне так и сказал: «У нас сейчас большим успехом на Бродвее пользуется пьеса из жизни русских извозчиков». Сказал, да ещё уточнил: «Середины девятнадцатого века». Сразу я не мог понять, что за кучер, говорящий некучерским языком, и что за пьеса о русских извозчиках. Потом понял, что речь шла об инсценировке «Холстомера»: повтор ленинградской постановки, сделанной режиссером Товстоноговым по сценарию моего школьного соученика Марка Розовского. Перед началом репетиций Товстоногов мне позвонил по телефону, чтобы сказать, что ему будет нужна моя консультация. Однако больше звонков не было и консультации, видимо, не потребовалось, а я ждал-ждал и в результате постановки так и не видел. Не видел и в Нью-Йорке – билеты слишком дорогие. Но успех постановки могу засвидетельствовать – реклама с лошадиной головой сияла на Таймс-Сквере на протяжении всей моей научной командировки, и всё время – аншлаги. Жизнь русских извозчиков, судя по всему, вызывала у американцев большой интерес. А извозчик американский оказался аспирантом Колумбийского университета – подрабатывал. Разумеется, взгляд на конный мир со стороны конюшни дает материал необъятный именно в силу той многосторонней связи, от которой, как говорит Тюляев, «зависит очень и очень многое». А скольких людей – и каких людей! – довелось повидать возле лошадей! Ветвистая связь

конюшенного быта с жизнью за пределами конюшни, это, по крайне мере для меня, самое интересное.

Вот Асигрит Иванович прочитал рассказ Куприна «Рыжие, вороные, серые, гнедые», записанный со слов наездника Черкасова, и мысль его тут же уносится далеко, охватывая и фигуру наездника, и быт того времени: «Николай Кузьмич Черкасов давно уехал в Париж, и наши наездники, выступавшие во Франции, с ним встречались: сильно постарел и на призы больше не ездит. Что касается его наезднических способностей, то ездил он хорошо. Служил у Бенкендорфа и больше выступал в Петербурге, приезжал и в Москву. У него был камзол голубой и белый картуз. Со старта обычно не вел – берег для финиша. Помню, все говорил: «Лучше проиграю, а не поведу». В езде у него находилась очень хорошая кобыла Тропа, завода Телегина, краткое происхождение которой приведу ниже. А покойный Н. В. Телегин был одним из самых талантливых русских коннозаводчиков. Скончался он в 1917 году в период упадка нашего дела. На тот год Московским Беговым Обществом было назначено к розыгрышу много очень крупных, так называемых «подписных» призов: любой заводчик записывал на них свой молодняк заранее, задолго до выступления. В семнадцатом году Общество осталось без средств. В связи с этим пришлось поднять вопрос об отмене подписных призов, а с отменой их рушились все надежды замечательного коннозаводчика. Известно, что представляли собой телегинские лошади! Его произ-

водитель Барон-Роджерс давал выдающийся приплод, в особенности от голицынских маток. К началу упадка бегового дела у Телегина в заводе собралось много способного молодняка, и никому из коннозаводчиков не было так обидно лишиться возможности записать его на подписные призы. На собрании Общества Н. В. горячо отстаивал необходимость сохранения подписных призов, от волнения ему сделалось нехорошо, и на другой день его не стало».

А что за энтузиаст был Тюляев, скажет такой случай. Однажды в ответ на мою очередную заметку пришло от него письмо. В конверте лежало десять рублей: читал и, если нравилось, присылал десятку – из пенсии. На этот раз одобрение выражалось не только деньгами. Тюляев сообщал, что, прочитавши мой текст, он от восторга лишился чувств. Не слогом моим старик оказался сражен. Слог как раз подвергся уничтожающей критике со стороны моего отца, профессора редактирования, и я, защищаясь, показал ему тюляевское письмо, но это не помогло, отец сказал: «Не понимаю, что тут особенного».

Из рук отца получил я шедевры иппической литературы, он сводил впервые меня на ипподром, а мать, художница, оформляя на ВДНХ Павильон Садоводства, рассказывала, какие рядом с ними в Павильоне Коневодства лошади, и сама же брала меня с собой их посмотреть. Однако опасаясь падений, увечий, дурных влияний, родители старались вытравить у меня то самое пристрастие к лошадям, которое они

же и поддерживали. Последователен в поддержке был только дядя-физик. Авторитет в своей области, электронной микроскопии, он, обладая прекрасным тенором и хорошим чувством юмора, всю жизнь боролся с искушением бросить физику и пойти на оперную сцену или – в журнал «Крокодил». Трудность выбора осложнялась тем, что он внес существенный вклад в науку и создал первый у нас в стране электронный микроскоп. Моим родителям он говорил: «Оставьте его в покое с его лошадьми! Придет время, он станет о них писать», и настрочил куплеты с рефреном: «Мити нет дома – пасет лошадей».

К иппическим писаниям родители подходили как читатели-неспециалисты и некоторых оттенков не различали. Что ж так поразило Тюляева? Секунды Грейхаунда! И не на всю дистанцию – рекорды «серого феномена», все до одного, Асигрит Иванович перечислит, даже если его разбудить ночью. Он все до мелочей знал и без меня, но заметка была рефератом только что вышедшей в Америке книги, там оказались обнародованы некоторые даже знатокам неизвестные подробности, и вот, когда он прочитал (так говорилось в тюляевском письме), как на прикидке Грейхаунд сделал последнюю четверть в двадцать семь секунд, стало быть, с резвостью, какой никогда, с тех пор как раздается стук копыт о беговую дорожку, не показывал никто ни до, ни после, тут у него перед очами души возникла эта невероятная картина и... и... Тюляев писал, что он, читая, пережил: кому случа-

лось видеть классный финиш, тот знает, как подкатывает к горлу комок и перехватывает дыхание.

Так вот, сам Тюляев подарил мне книгу «Беседы на конюшне». Это реликвия. Книга переходила от наездника к наезднику, причем каждый ставил на ней свое имя. Первым расписался Кейтон, последним сам Асигрит Иванович. Книга стала принадлежать мне, но я, конечно, не мог продолжить исторический список. Без своей подписи передал я книгу в «Содружество рысистого коневодства России». Пусть появятся в списке достойные имена мастеров. А я постараюсь наследовать дух спортаменства, который в «Беседах на конюшне» содержится.

Что писал я о лошадях, то, оказывая мне честь, подвергали беспощадно-благожелательной критике специалисты, такие, как В. О. Липпинг и Ю. М. Оленев. По мере своих сил следуя шекспировскому завету «Не печалить знатока», замеченные ими ошибки исправлял, но замечания их подчас были чересчур специальны, исправишь – озадачишь читателя, для которого я писал: неспециалист просто не поймет, о чем идёт речь. Насколько Владимир Оскарович и Юрий Михайлович были требовательны, когда дело касалось лошадей, можно судить, если учесть, что не давали они спуску ни Шекспиру, ни Толстому.

Однажды обескураженный оленевским разгромом, я пробовал защищаться: «Ведь даже в у Куприна в рассказе...» «Рассказ плохой!» – парировал Оленев. Ах, рассказ «Изу-

мруд» плохой? Тут моя авторская совесть и успокоилась.

Волшебный мир

«...Устав наездника читал».

А. С. Пушкин

«Мир галопа – волшебный мир!» – внушал Тюляев. Он говорил: «Приведу пример, чтобы показать, каково это!» Ип-

подром, утренняя поездка, трава блестит, и по сверкающему кругу во всех направлениях чеканно отстукивают копыта – галопом, рысью, шагом – на разных аллюрах, но, соблюдая некий общий ритм, движутся рыжие, гнедые, вороные. Таков был рассказ, который кончался слезами. Не в силах был сдержать слез Асигрит Иванович тогда, на скаковой дорожке, наблюдая за посадкой жокеев, за дрожанием хлыста, за кончиком хлыста, за движением каждой лошади, «выражением лица лошади». Слезы звучали в его голосе всякий раз, когда хотел он убедить в одном: «Мир галопа – волшебный мир!»

Слезы старого тренера поблескивают мне с тех пор, когда еду я по росе или после дождя и лошадь, обмывая копыта, чиркает по влажной траве. И всегда стучит мысль: «Волшебный мир! Необычайные люди возле лошадей».

Всякий настоящий спортсмен – энтузиаст своего спорта. И все-таки энтузиазм конников, их привязанность к своему делу совершенно особые. Конник наживо и намертво соединен с конем. Можно отложить на время мяч, снять боксерские перчатки, велосипед не просит ни пищи, ни воды. Лошадь же, как ребенок, требует непрерывного ухода. В самом деле, словно дитя у матери, лошадь занимает мысли наездника или жокея, особенно классная лошадь, гордость и надежда всей конюшни – «крэк», что буквально значит «хлопок хлыста» от английского crack: только взмахнуть хлыстом достаточно, чтобы классный скакун ответил на посыл. Сиг-

нал, подаваемый лошади, по смыслу слова, уравнился с лошадыю: крэк значит класс.

Рассказывают про пушкинского современника С. П. Жихарева, автора замечательных «Записок», одного из ранних организаторов скачек в Москве. Имелась у него чистокровная кобыла Волуна, не знавшая поражений. Родился от нее жеребенок, прозванный Мемнон Волунин и показавший еще больший класс. Жихарев находился на вершинах счастья. И вдруг бесценный Мемнон пал. В тот же год болезнь унесла у Жихарева маленького сына. Когда ему соболезновали о мальчике, он, закрывая лицо руками, восклицал в горести: «Ах, не говорите! Вот и Мемнона Волунина больше нет!»

«Уж это слишком!» – говорили тогда и скажут теперь...

В жихаревском экстазе чувствуется оттенок любительства. Едва уловимый оттенок, отличающий его преданность лошадям от профессионального отношения. Вспоминая конников, каких мне посчастливилось знать, знать годами, изо дня в день, сказал бы я – они любили лошадей? Призовые наездники Грошев и Щельцын, Гриценко и Гречкин, заводские тренеры Панков и Козлов, жокеи братья Лакс, Кочиашвили, Назаров, Насибов, конкуристы Гриднев, Лилов, Фаворский – они бы, я думаю, удивились, если спросить, любят ли они лошадей. «Нет, это не любовь», как у Шекспира говорится. Любит ли охотник свою собаку? У Тургенева, Толстого, а также Джека Лондона дан на это ответ: охотником движет особое чувство, собака для него не предмет обо-

жания, а средство существования, иначе говоря, жизнь. Так и отношение наездника к лошади. Все равно, что всякому из нас задать вопрос: «Какую из своих двух ног (или рук) вы предпочитаете, правую или левую? А для конских охотников, каким был Жихарев, лошади – это всё же потеха, хотя и посвящался потехе не один час. Профессионалы, если уж чувства свои выражают, то как Вера Владимировна Костенская. Она говорила: «С лошадьми жили, с лошадьми и помрем». Красноречивое описание привязанности к лошади получил я из Лабинского конзавода Краснодарского края, писала тренер и зоотехник Колгомогорова, цитирую: «Настоящая, одна-единственная на всю жизнь, любовь еще никого не сделала ни богатым, ни счастливым, но ведь такая любовь дается не каждому». Почему же не каждому? И что это за любовь? «Надо пройти все круги рая и ада конной работы от конмальчика до тренера, от конюха, табунщика до начкона. Лошадь надо знать от маточного табуна до заездки и – до букетов на Дерби, от стипль-чезных прыжков до конкурного и скакового посыла, наконец, нужно знание тайн сложить – «сжутьничать» – скачку так, чтобы не оказаться отлупленной тотошниками и оштрафовой в судейской».

И такое признание: «Мне 38 лет, и в этом возрасте уже надо отдавать отчет своим поступкам. На ипподроме никто или, вернее, почти никто не сомневается, что я смогу ездить, но... Понимаю людей, говоривших это «но», потому что они не видели меня в деле. Алексей Еремин (наездник – Д. У.)

не сказал бы «но», он видел меня в работе и, по его словам, ему не на что было жаловаться. Я ремонтировал качалки, раздавал корм лошадям, разгружал с другими помощниками приехавший фураж, заваривал кашу из отрубей...» Ну и что? Кашу заваривал! Качалки ремонтировать, корм раздавать, мешки с овсом и тюки сена таскать – кто же этого на конюшне не делает? Вопрос, кто в данном случае выполнял обычные конюшненные обязанности: безногий. Алеху Еремина я хорошо знал, он мне письмо это от слова до слова подтвердил.

«Любишь кататься – люби и саночки возить» – в отношении лошадей это надо понимать так: забота о лошади лежит вечным грузом на сознании наездника. У Александра Федоровича Шельцина и других мастеров я увидел нераздельную слитность с лошадыю, поглощенность заботами тренинга и конюшни. Однако не помню в обращении мастеров с лошадьми ни одного момента сентиментальности. Чтобы мастер подошел и по плечу похлопал или за ухом почесал своего крэка – лучшего у него на конюшне призового бойца? Да никогда! Словом, нельзя о конниках сказать то, что выражено старинным афоризмом: «Чем больше узнаешь людей, тем больше любишь животных». Нет, лошадь не вытесняет людей, но поглощает человека, с ней связанного, целиком. Даже не помню, чтобы с тем же Щельцыным или еще одним мастером – Грошевым мы когда-нибудь говорили о чем-нибудь, кроме лошадей. Маркс называет эту истовость

«профессиональным идиотизмом», вот этот крайний, с одержимостью граничащий, всепоглощающий, всеведущий, совершенный профессионализм нашел я не где-нибудь ещё, а именно у конников и на конюшне.

Своему научному руководителю, профессору литературы Р. М. Самарину, я так и ляпнул, когда он добивался от меня, зачем я стремлюсь на конюшню вместо того чтобы сидеть на лекциях. Конечно, по бестактности, свойственной молодости, обидел его. «Лучше бы курсовую как следует написали», – нахмурился «Роман», обращавшийся к нам, студентам, исключительно на «Вы» и по имени-отчеству. «А кто позволит мне изложить все мои мысли?» – возразил мой внутренний голос. Университетские наши наставники, во всяком случае некоторые из них, обладали наивысшей квалификацией, они, так сказать, «знали все», однако запреты и ограничения не давали им научить нас многому из того, что они знали, и нас они тоже окорачивали, вот и приходилось искать образцы профессионализма не у энциклопедически образованного Романа Михайловича Самарина, а, скажем, у Николая Романовича Семичова, одного из несравненных мастеров призовой езды.

* * *

Условие профессионализма – самопожертвование. Вот сам за себя говорящий случай. Это произошло некогда в

день Мельбурнского Кубка – национального приза Австралии.

Фар-Лэп, величайший из австралийских скакунов, был записан на Мельбурнский приз. Конюх вел его в тот день после утренней поездки на конюшню. Конюх ехал верхом на небольшой серенькой лошадке, а рыжий гигант шагал рядом в поводу. От ипподрома до конюшни надо было миновать несколько улиц. Впрочем, Фар-Лэп отличался спокойным нравом и маленькая процессия мирно следовала своим путем.

Странная, однако, машина встретила их по дороге: люди, сидевшие в ней, слишком уж пристально наблюдали за Фар-Лэпом. Чтобы разминуться с подозрительными попутчиками, конюх свернул в первый же переулок. Конюх не зря беспокоился: автомобиль не отстал от них. Преследование продолжалось. И конюх, и Фар-Лэп, и серый маштачок (малорослый) оказались в тупике, припертые машиной.

Однако перед теми, кто управлял роковым автомобилем, также встала неожиданная преграда: человек, как мог, закрыл своим телом лошадь, а серый был поставлен впереди Фар-Лэпа, готовый пожертвовать своим простым существованием ради прославленного соконюшенника. Фар-Лэп был огромен. Человек и ездовой конек с трудом загораживали его.

Бандит за рулем принялся отчаянно сигналить, надеясь гудком вспугнуть Фар-Лэпа, чтобы тот бросился в сторону

и открыл себя. Это почти удалось. Конь пробовал встать на дыбы. Конюх едва удержал его, все так же заслоняя собой скакуна. Грянул выстрел. Мимо. Машина стремительно исчезла.

В тот день Фар-Лэп без труда оставил всех соперников далеко позади. Фаворита, а потом триумфатора по дороге на ипподром и обратно охранял отряд полиции. Мотоциклы сопровождали все ту же группу: на серенькой лошадке едет не спеша человек, и рядом шагает под попоной рыжий гигант.

«Всю жизнь я отдал на благо лошадей», – говорил один наш конник-ветеран, и он имел душевное право на такие слова.

Привязанность к лошади и по долгу службы, и по зову сердца развивает у конников своего рода поэзию, философию, особый конюшенный фольклор. Предания о былом хорошо сохраняются на конюшне. Всякий скажет, кто и когда особенно удачно проехал, как выиграл, каким норовом отличался у этого жеребенка прапрадед и до чего резва была его мать, но вот бабка с отцовской стороны... Все, все помнится, и не потому, что забавно. Память о прошлом для конника – это понимание породы, знание лошади.

В редкой книге «Беседы на конюшне» утверждается: «У всякой призовой лошади должна быть своя история, повесть о жизни и подвигах. Без истории, без подвигов, о которых было бы как следует рассказано, лошадь не имеет истинной полноты своего значения». А на всякие истории у конников,

разумеется, глубокая память.

От древних колесниц и рыцарских турниров до современных бегов, скачек, стипль-чезов и прыжков через препятствия развилось, частью исчезло или, напротив, возникло и видоизменилось множество форм конских состязаний. Состязания сегодня являлись вчера, в прошлом, серьезными занятиями, необходимыми в повседневной жизни. На фигуры Венской школы верховой езды ныне смотрят, будто на балет, а когда-то те же лансады (прыжки) служили приемами боя. Изобретение стремян, пришедших, как считается, с Алтая, преобразовало верховую езду, кавалерию, армию и, в конечно счете, изменило ход истории.

Неустойчивы сведения относительно того, сел ли человек сначала на лошадь верхом или он приучил ее прежде к упряжи и повозке. На Украине около села Дериевка, недалеко от Кировограда, был откопан конский скелет, признанный древнейшими останками одомашненной лошади. Совершивший это открытие археолог Д. Я. Телегин полагает, что на ней ездили верхом, однако, не все даже признающие значение его находки с ним согласны. Что можно сказать? Гонки колесниц в античной Греции и Древнем Риме, то есть прообраз современных рысистых испытаний, вошли в традицию как спорт, должно быть, раньше скачек. Потом эволюция экипажей как-то замедлилась. Для шекспировских времен, например, кареты были новшеством. Все, в том числе женщины и дети, передвигались тогда в Европе верхом.

Каков конный спорт и в чем его суть, можно узнать за неделю, когда проводится у нас праздник конников, то есть парад и показ всех пород, всех видов конных состязаний и национальных конных игр из всех республик. Каждый год этот праздник устраивается в городе, где есть для этого подходящий ипподром. Парад, начинающий праздник, разворачивается панорамой всей истории конного спорта. В национальных одеждах, по командам проходят конники перед зрителями. Оживают герои народных преданий или же исторические деятели, чей путь был связан с боевым конем.

У греков есть Буцефал, конь Александра Македонского; Бабиека воспет испанцами вместе с его хозяином – Сидом, а у французов эпическая «Песнь о Роланде» – это и песнь о коне по кличке Вельянтиф – Зоркий Малыш, который, хотя и некрупен, зато без устали служит героическому воину; южные славяне помнят коня, на котором ездил богатырь Марко; а вот и наш Бурушка-косматый, носивший Илью Муромца.

* * *

Прочитав этот абзац, академик Дмитрий Сергеевич Лихачев прислал мне письмо, в котором говорилось: «Вспомните замечательный рассказ из Ипатьевской летописи – как смертельно раненный конь Андрея Боголюбского вынес князя с поля битвы, и как Андрей Боголюбский с почестями похоронил коня. Есть и другие хорошие места в летописи. Напри-

мер, рассказ о смерти Олега от своего коня, подтверждающий, что значил конь для князя». Дмитрий Сергеевич имел в виду, разумеется, эпизод, воплощенный Пушкиным в балладе «Песнь о вещем Олеге». Лучше кого бы то ни было академик знал, что исторически этот эпизод не подтверждается, но – выражает, как Лихачев и написал, «значение коня». «А князем, – продолжал ученый, – становились после «посага», то есть после того, как восьмилетнего мальчика сажали на коня. Это обряд вокняжения, получения княжеского достоинства. А символы – стремя («ездить возле стремени») – означало нести вассальную службу, «вдеть ногу в стремя» – выступить в поход, «пересесть из седла золотого, княжеского, в седло кащее» – стать пленником... А кони на иконах – сказка! А в сказках у коней, как в мире людей, есть свой Иванушка-дурачок, сивка-бурка, конёк-горбунок. Это возвышает коня». И ученый заключал: «Я давно высказывал идею, что из наших городов с исчезновением лошадей ушел большой нравственный мир. Лошади воспитывают людей!»

* * *

Едут былинные богатыри, «едут-то по полю герои»: Богдан Хмельницкий или же Салават Юлаев и, конечно, Чапаев с Петькой и Анкой-пулеметчицей.

Следом за парадом – соревнования: рысаки, скакуны, выездка, тройки, тачанки, преодоление препятствий и, нако-

нец, конные игры, веками живущие в быту народов нашей страны. Тут и борьба на лошадях, и човган-бурти (вид конного поло), и схватка двух команд за тушу козла (козлодрание – копк-хари), и «отними папаху», и «поцелуй девушку», и многое другое.

«Эх, тачанка-ростовчанка...», «Вот мчится тройка...» Что поется, говорится и вообще помнится о лошади, возникает перед глазами. Кажется, только поется и помнится, а потому, как всякое предание, похоже на сказку. Но тут вдруг феерический мир, состоящий будто бы из одних заправских, однако нереальных слов – «покройте попоной», «под уздцы отведите», «конь ударил, закусил мундштук», «грива ветра» – раскрывается с достоверностью. И благодаря этому все остальное, легендарное, с конем связанное, приобретает материальность.

В истории нашей родины конница действует с незапамятных пор. «Пойде Олег на конех и на кораблех», – сказано в Несторовой летописи о походе князя Киевского на Царьград. Конюший был главнейшим боярином в государстве. Первый конный завод возник в России под Москвой в Хорошеве на исходе XV столетия.

Слово «завод», теперь к лошадям применяемое с оговоркой, с иронией, на самом деле от лошадей пошло. «Завод» когда-то и значило лишь – «конное заведение». Иных заводов не было. Так получилось со многими сугубо конными понятиями. Каков смысл слова «ремонт»? Изначально один:

от французского «ре-монт», то есть пересаживаться на новых лошадей – обновлять конский состав кавалерии. Раньше ремонтировались только кавалерийские части, а теперь и часы, и ботинки, и вообще все на свете. Так же говорится «закинулся», «съехал с круга», «остался за флагом» без мысли о том, что это из конюшенного, ипподромного жаргона. «Положение хуже губернаторского» – от верных людей слышал следующее. «Губернатором» коневоды называли жеребца-пробника – должность на конном заводе важная, да незавидная. Согласно инструкции, пробник, проверяющий готовность кобыл к случке, должен быть видный собой, темпераментный и даже нахальный кавалер, но к самой случке его не допускают – вот оно, положение-то!

«Врет как сивый мерин» или «бред сивой кобылы» – у лошадей «сивый» не седой, а с проседью, и не обязательно старый. Зато, употребляя антропоморфизм, приписывая людские свойства животным, седовласых стариков нередко обзывают, по вполне понятным физиологическим причинам, мериными, и память старикам и старушкам часто изменяет. Поэтому в переводе на человеческий язык «вранье сивого мерина» – старческий маразм. А каково происхождение всем нам хорошо известного, имеющего символический смысл, имени Обломов? Обломы – это ведь неукы, молодые, еще необъезженные лошади, над которыми надо немало поработать, «обломать» их, прежде чем они правильно пойдут в оглоблях и влягут, как следует, в хомут. Иначе говоря, ста-

нут трудиться, чего Илья Ильич Обломов, как известно, почитал занятием его самого недостойным.

Реформы Петра и преобразования екатерининского времени дали основу племенному коневодству, а затем и конским испытаниям. Алексей Григорьевич Орлов, выдающийся деятель, создал сначала отечественную верховую породу, потом – рысистую; он проводил бега и скачки. Его дело возникло под Москвой в селе Острове, и об этом, представьте, местные жители помнят.

«Сюда приводили орловского рысака», – вот что я там услышал. Конечно, народная память – не история, в ней сохраняется суть далеких событий, но последовательность и связь тех же событий оказывается, как правило, преображена и даже вовсе искажена. В Остров привели не орловского рысака, туда был доставлен арабский жеребец Сметанный, он и дал начало рысистой породе, получившей название орловской.

Село стоит на высоком берегу реки – красота! Уж не знаю, можно ли сделать такой вывод, но все наши старинные конные хозяйства, которые мне посчастливилось повидать, – это произведения человеческого искусства, по законам эстетики соединенные с окружающей природой. «Так красиво, что становится грустно», – говорил знаменитый мхатовский актер Борис Ливанов, у которого дача на берегу Москвы-реки по другую сторону от Московского конного завода. Что это ему грустно? А нельзя, согласно выдающемуся артисту, оста-

ваться творчески бездейственным при виде такой красоты, однако, нужно быть, по меньшей мере, Шаляпиным, считал он, чтобы ее воспеть!

Время отчасти пощадило Остров: еще видна по-над берегом проложенная прямая, на которой «меряли» рысаков. Уцелела и поистине царственная конюшня, правда, коренным образом изменившая свое назначение: не кони в ней стоят, а нашли там приют одинокие старички и старушки. Это здесь разыгралась трагедия, о которой до нашего времени тоже дошло предание, иначе говоря, не все, быть может, в точности так оно было, но вот что я услышал от старого конника.

Бесценный производитель Сметанный, в просторечии называемый Сметанкой, как-то вернулся с поездки: заводских жеребцов держат в должных кондициях, легкой работой поддерживают в них бойцовский дух. Сметанка вернулся разгоряченным, в поту, поставил его конюх в денник, поставил и – отвлекся: пришла повидаться с ним его зазноба.

Разговорились – заговорились. А дверь денника оставалась открытой: конюх собирался, как положено, глоток, один только глоток воды жеребцу дать, чтобы слегка освежить его, и ведро с водой приготовил. А Сметанка за спиной у забывшего себя, потерявшего голову конюха и напился вволю. Опой – не имевший цены жеребец погиб. Доложили Орлову. Граф будто бы сначала подумал вслух: «Запороть?» А потом махнул рукой, и отправили того конюха с глаз долой в даль-

ную деревню.

Со временем графское заводское дело было перенесено в Хреновое Воронежской губернии, где, как считают знатоки, сам Орлов, возможно, и не успел побывать. Те степные края в нашей классике, словно на старте и финише, запечатлены Пушкиным и Чеховым. Там начал действовать завод, который после смерти графа стал государственным и сохраняет свое значение и славу до сих пор. Каждый конь, что стоит в этом заводе, обладает редкостной родословной, она колено за коленом восходит к эпическим временам и именам, увенчанным кличками Барса и Сметанки – основоположникам всей орловской рысистой породы.

В пушкинскую эпоху, в 20–30-х годах XIX столетия, рысистые лошади завоевывают всеобщее признание. «Скажу, рысак! – писал наш величайший поэт. – Парнасский иноходец его не обогнал бы». По различным городам России организуются Общества любителей конского бега. Первое возникло в Лебедяни Тамбовской губернии, прославившейся конскими ярмарками, которые были описаны Тургеневым, а создатель «Записок охотника» признавал: «Всякий охотник до ружья и до собаки – страстный почитатель благороднейшего животного в мире: лошади». Набережная Москвы-реки, село Покровское, Старая Басманная, потом Шаболовка, Донское поле и, наконец, Ходынское – такова историческая география развития конской охоты, бегов и скачек в Москве, где постоянно действующий ипподром существует с 1834 го-

да. Герцен был в числе первых посетителей Московского ипподрома: 20 июля 1834 года он отправился на скачки, и на всю жизнь запал ему в память этот день, резвые лошади.

Если бросить взгляд на Москву с конноспортивной точки зрения, что за имена совместятся! Вот Президиум Академии Наук – вместе со всеми своими подотделами разместился в не знающих сноса постройках, воздвигнутых тем же Орловым для своих лошадей. Иностранный Отдел, связывающий наших ученых со всем миром, – в конюшне. Минералогический музей – это бывший манеж. А вот прежнее Управление коннозаводства (теперь Институт мировой литературы Академии наук), здесь жила дочь Пушкина – жена начальника управления, подсаживавшая Толстому своим обликом Анну Каренину. Толстой же, когда бывал в Москве, ходил смотреть офицерскую езду в Хамовники, где одним из манежей пользуются по назначению до сих пор.

Да вот же они, армейские конники, давно уже сохраняющие за собой славу сильнейших... Спортивный парад соединяет далекие времена: конный спорт глубоко традиционный и вместе с тем современный, развивающийся. Он является коренным, народным, национальным. Одна из насущных и древнейших сторон хозяйственной, культурной, военной деятельности человека, которая на время стала развлечением, игрой, – вот что такое конный спорт.

С давних пор наши конники вышли на мировую арену. В 1867 году на выставке в Париже всех поразила вороной орлов-

ский рысак Бедуин; в руках Ефима Иванова он оказался по секундам резвее американской рекордистки Флоры-Темплъ. В Лондоне блистал Ветер Буйный, в Чикаго – Кречет. Малютинский Лель побил Фляинг-Флеша, и великий Крепыш сражался в начале нашего века с американскими резвачами.

В 1912 году объявили у нас скаковой верховой Международный приз. Откликнулись французы. Всем любопытно было, что они покажут. Тогда повсюду в России отмечали столетнюю память войны 1812 года, и хотелось еще раз померяться силами с французами. Пусть не на поле битвы, а на дорожке ипподрома. Приехал из Парижа Бара, знаменитый ездок. Записано было одиннадцать лошадей. Две наши лошади шли от одной конюшни – Мамур и Зейтун. На гнедом Зейтуне сидел Платон Головкин. Ему отведена была роль от начала и до конца вести скачку, выматывая силы соперников. А Мамур, ожидали, бросится вперед на финише. Со старта так и вышло. Головкин взял голову скачки и повел. Однако Бара был слишком опытен, чтобы поддаться на это. Он не принял вызова и держался последним. И только при входе в финишный поворот «поехал».

Одним движением Бара оставил позади девять лошадей, будто их и не было на дорожке. Ни Шемснур, ни Шантеклер, ни Грымза, ни одна из наших знаменитостей того времени, и Мамур в том числе, не могли оказать французскому жеребцу Линуа под Бара заметного сопротивления. Впереди один Зейтун, уже притупевший, потому что он вынес на се-

бе всю резвость скачки. Француз расчетливо настигал его. Да ведь Зейтун и не предназначался для финальной схватки. Но у Головкина был «железный посыл», единственное, чего не учел Бара. Заработали хлысты. Головкин выдержал бешеный натиск и на полголовы вырвал триумфальную победу.

Тот же Платон Головкин в 1922 году, уже в новую эпоху, выиграл на Беке первый Приз Республики. Успешную гастрольную поездку по ипподромам Берлина, Кельна, Гамбурга совершили несколько лет спустя советские рысаки, среди которых особенно выделялся феноменальный Петушок. Сын Трепета и Прелести обыграл европейских знаменитостей в руках Петра Ситникова, одного из лучших наездников дореволюционного ипподрома.

Когда во время Гражданской войны погиб Крепыш – «король русских рысаков», то многие восприняли это как роковое знамение, возвестившее закат былой славы конного дела у нас. Нет, преемственность не нарушилась. Ее сохранили ветераны, она передалась по наследству от наездников-отцов к детям, и новые люди, пришедшие в ногу с новой эпохой на ипподром, учились у «стариков».

Мастеру-наезднику Александру Федоровичу Щельцыну, тогда молодому человеку, новичку, только взявшемуся за вожжи, поспешили предложить место тренера и возможность руководить.

– Нет, – отвечал он, – отправьте меня конюхом к настоящему мастеру.

И спустя несколько лет из конюшни опытного наездника вышел образцовый знаток своего дела. Тогда только Щельцын счел возможным в самом деле руководить, но и тут его честолюбие подверглось искушению.

– Завтра, – сообщили ему, – к вам поступит работать помощником Андрей Васильевич Константинов.

– Нет! Нет! – закричал в ответ Щельцын, ибо надо представить себе положение рядового оркестранта, которому говорят: «Берите дирижерскую палочку, а в барабан будет бить Артуро Тосканини».

Константинов был, пожалуй, самым прославленным среди русских наездников, однако с возрастом он переживал полосу непрерывных неудач, и пришлось у него отбирать конюшню. Константинов сам попросил молодого тренера:

– Возьми меня. Легче мне работать под началом у тебя, чем идти к своему сверстнику, видевшему мою славу.

Щельцын собрал свой конюшенный штат и сказал всем:

– У нас будет работать Андрей Васильевич. Я требую, чтобы он чувствовал себя на конюшне главным.

И действительно, пришел маленький усатый старичок, на которого молодые наездники и конюхи смотрели во все глаза, а пожилые старались вовсе не смотреть: славу легендарного «Андрея Васильевича» и его внезапное нынешнее положение нельзя было совместить.

– Ездить ему, в самом деле, было уже трудно, – вспоминал Щельцын, – но в лечении и купании лошадей он по-преж-

нему действовал как маг. Во фрачной паре, в крахмальной сорочке являлся он на конюшню с набором инструментов и осматривал лошадям зубы. На всю жизнь почерпнул я у него навыки, выручавшие меня в борьбе с бедами, болями, хромотой, утомлением мускулатуры, со всем, что представляет для наездника столько трудностей.

Так сформировался конник-специалист нового склада, получивший со временем прозвище «профессор» за совершенное знание лошади и езды. Мне посчастливилось у него ездить. Когда прибыли мы с ним на гастроли на провинциальный ипподром, то к нему, будто, в самом деле некому светилу, выстроилась целая очередь молодых наездников: «Прощупайте у этого серого плечо... Посмотрите левую переднюю... Посоветуйте, пожалуйста, когда сделать резвую...»

Что собой представляет щельцынская экспертиза, соединяющая богатейший опыт с полнейшей самоотдачей, позвольте пояснить лишь на одном примере. Подобных примеров можно было бы привести сколько угодно, скажу лишь об одном, который, надо сознаться, сильно подействовал на меня в ту пору, когда я только начинал внедряться в конный мир.

Эпизод, который я хочу вспомнить, едва не шокировал меня, тогда мне показалось, что уж это что называется чересчур.

Если моряку, чтобы твердо стоять на ногах, нужна зыбкая

палуба, то наездник не чувствует себя в своей стихии до тех пор, пока не усядется на беговую качалку. Нужны вожжи в руках, иначе ему неможется и неймется. И меня не удивило, что Щельцын, едва сойдя с поезда (дело было на областном ипподроме в Раменском), тут же велел заложить серого великана Бравого, а меня он посадил на вороного Бельфора, и мы тотчас оказались на дорожке – совершенно безлюдной и безлошадной, работа давно закончилась.

Шагаем – Щельцын вообще предпочитает тихие работы, полагая, что так лучше нарабатывается мускулатура, зато уж на маховой или в призу лошади у него идут охотно и на идеальном ходу.

Итак, шагаем. Вдруг Бравый останавливается, отставляет хвост, расставляет пошире задние ноги – калится. Обычное дело. Но когда жеребец оправился и, было, собрался двинуться дальше, наездник придержал его. Что такое? В чем задержка? Мастер всматривается в кучку конского навоза, нагибается, протягивает руку, берет теплый катыш и начинает разминать-растирать пальцами. В зеленовато-желтоватой кашеце мелькнуло нечто желтовато-беловатое. Глист! Вредный червь, вместе с навозом, был подвергнут внимательнейшему осмотру, столь внимательному, что, казалось, при необходимости взять тот же состав на зуб, он был бы испробован. А когда мы вернулись с поездки на конюшню, конюхам были отданы распоряжения по части лекарств и кормежки. Вот к этому знатоку призового дела и выстраиваются

очереди из тоже понимающих в лошадях.

В ту ночь мастер улегся на ночлег на сене возле денника Бравого. Обычно это делается накануне больших призов – из опасений, как бы чего не случилось. Но в тот раз был особый случай, а я, чтобы еще поговорить о лошадях, попросил у Александра Федоровича разрешения остаться там же, на конюшне.

– Что ж, почием на ложе Авраамовом, – сказал наездник.

Почти по Писанию, ведь праотец не на лошадях ездил – на ослах.

* * *

Великое чувство традиции живет в конном мире. Нам не следует забывать и тех русских конников, которые после революции оказались за рубежом.

Не по убеждениям обычно уезжали они, а большей частью в силу обстоятельств – вместе с лошадьми, вместе с владельцами лошадей. Они, однако, не порвали связи с родиной и стояли на высоком уровне. Первый рысак Европы 1930-х годов Масклетон находился в тренинге у прежнего петербургского наездника Александра Борисовича Финна; на нем русский наездник дважды был победителем Приза Америки. Кроме того, Финн основал в Италии школу наездников. Николай Черкасов, собеседник Куприна, открыл в Париже классную общественную призовую конюшню. Па-

вел Родзянко воспитал национальную сборную Ирландии. Подобно тому как английские актеры говорят: «Мы учились у Михаила Чехова», итальянцы следуют в декоративном искусстве Александру Бенуа, американцы сделали президентом своей Академии художеств Николая Фешина, целая эпоха в мировом балете обозначается именами Павловой, Карсавиной, Дягилева, Баланчина, Фокина, подобно тому как в Бирмингемском университете кафедру философии основал Николай Бахтин и поколения студентов Оксфорда, Сорбонны, Гарварда слушали по различным наукам русскую профессуру, подобно этому и русские конники стали в мировом масштабе «школой», направлением, традицией.

Вторая мировая война нанесла тяжелейший урон нашему коневодству. Погибли специалисты, пропало ценнейшее конское поголовье. Не вернулись с фронта классные жокеи. Без вести пропал блиставший перед войной на Ростовском ипподроме Чабан-Тутариш. В Киеве фашистами был казнен за «сотрудничество с большевиками» выдающийся русский наездник, несравненный мастер Павел Петрович Беляев 2-й. Вторым Павел Петрович значился по фамильному счету – после своего отца, но был он, по существу, первым из первых, единственным в своем роде. «Держитесь Беляева!» – писал в канун войны из Милана в Москву Александр Борисович Финн, подчеркивая тем самым, что это образец профессионального мастерства и спортивного благородства.

Калечились, гибли во время эвакуации от бескормицы

племенные лошади. Захватчики уводили ценнейших производителей, угоняли маточные табуны и целые заводы. И все-таки в этих страшных условиях, даже отдаленного подобию которых не испытало на себе ни одно другое коневодство в мире, наши конники, наш конный спорт продолжал действовать. Тренер-ветеран Григорий Грошев рассказывал: «Молодняк поступал на ипподром с заводов до того ослабленный, что запряг, выехал, а с дорожки в руках ведешь и не знаешь, как довести...» Однако, хотя бы и в эвакуации, бега не прекращались, а с 1944 года вновь начал действовать Московский ипподром. Згидный, выигравший в руках мастера-наездника Н. Р. Семичова Приз Открытия, на бега прибыл прямо из действующей армии.

«Нельзя забывать, как советский Анилин скакал в Вашингтоне», – говорили французские эксперты перед Призом Триумфальной арки 1967 года в Париже, взвешивая шансы участников. Нам тем более надо помнить: Анилин не раз оставлял позади себя «крэков» американских, английских, французских, немецких, воспитанных на голубых пастбищах Кентукки, на бархатистых лужайках Англии, словом, из поколения в поколение знавших одно – «конский рай». А у Анилина бабушка с материнской стороны, имевшая несчастье родиться в военные годы, не видела, что такое настоящая подстилка, и почитала солому с крыши за первое лакомство.

Надо проследить дистанцию, пройденную нашими конни-

ками и конями от военных и первых послевоенных стартов до систематического участия в крупнейших международных призах – Триумфальная арка, Приз Америки, Приз Организации Объединенных Наций, Приз наций, Международный Вашингтонский, Большой Ливерпульский, Большой Пардубицкий, Приз Парижа, Приз Европы... Выйти на дорожку в таких соревнованиях – почет и высший уровень, а у нас – призеры.

Из поражений на Олимпийских играх в Хельсинки и Стокгольме, когда в троеборье (манежная езда, кросс, преодоление препятствий) и выездке триумфально выступили шведы, наши конники сумели извлечь полтавский урок. В Риме выдающийся шведский всадник-ветеран Генри Сен-Сир отдал первенство Сергею Филатову. Правда, говорили о том, что успех советского спортсмена сенсация, и только. Однако в Токио Филатов опять был в числе основных претендентов на чемпионский титул, который он уступил лишь в жесточайшей борьбе. Вообще после римской победы, после удачи наших троеборцев, дважды взявших европейское первенство, наши конники стали значиться фаворитами во всех крупных международных соревнованиях. В Мехико Иван Кизимов на Ихоре блестяще доказал, что не зря, не случайно значатся!

Международный успех пришел и к нашим спортсменкам. Студентка, потом аспирантка и, наконец, преподаватель Московского университета Елена Петушкова на Олимпиаде

в Мехико была признана «мисс Европой» по конному спорту, оставив позади лучших спортсменов и многих сильнейших всадников мира. Дочь колхозного конюха, мастер-наездник Мария Бурдова выиграла интернациональные призы в США на ипподромах Монтичелло и Батавия Даунс.

Непростые отношения сложились у Маши с Парижем: во Франции, как, впрочем, и во всем мире, кроме нашей страны, женщины не допускаются к выступлениям на крупных ипподромах. Причина простая – публика в женщину-наездника не верит. Ассоциация рысистого спорта Соединенных Штатов сделала для Бурдовой исключение, а французы, как ни странно, решили не изменять общему правилу. И только после длительных переговоров был устроен специальный матч между Марией Бурдовой и популярным французским ездоком Гужоном. Схватка была жестокой: Маша выиграла у своего опытного соперника полголовы!

– Надеюсь, – заявила после этого Маша по парижскому телевидению, – что моя удача заставит французов лучше относиться к женщине.

Сверкание «звезд» в конном спорте не должно, однако, затмевать многих трудностей его развития. Эти трудности начинаются с основ – с лошади.

В прошлом коннозаводчики решали задачу, ясно подсказываемую потребностями времени и многовековой народной мудростью: «Конь – человеку крылья. Конь должен быть годен в подводу и под воеводу». Словом, мощный мотор и

опасное оружие. Ныне потому и бывает подчас нелегко развивать конный спорт, что в современности нельзя уже так естественно и отчетливо определить положение лошади, до корня подрванное моторами, крыльями и пулеметами еще в пору Первой мировой войны. Да, во Второй мировой войне кавалеристы Доватора и Белова покрыли себя неувядаемой славой. Конечно, есть кручи, чащобы и бездорожье, где по-прежнему никакой мотор не способен соперничать с «лошадиной силой». Но можно ли спорить с тем, что потребности в этой силе катастрофически сократились? Четыре с половиной миллиона против тридцати или сорока миллионов – такова «теперь» и «прежде» численность конского поголовья в нашей стране.

Прошлое и настоящее соотносятся в конном деле, как и во всем, не без парадоксов. Теперь кричат не «Извозчик!», а «Такси!» Извозчики – музейная редкость, сохранившаяся лишь в некоторых городах. Но если некогда, в середине девятнадцатого века, с римским извозчиком торговались с пяти до трех монет, то теперь ему предлагают тысячу лир, а он отвечает преспокойно:

– За такие деньги моя лошадь с места не тронется! Берите такси.

Американский наездник Стэнли Дансер утверждал: «Поднять бы сейчас из-под земли ветеранов, начинавших беговое дело, и показать им, каковы рысистые испытания теперь, они не поверили бы своим глазам, увидав размах ре-

кламы и популярность бегов, рост призов, уровень рекордов». У нас, например, лошадей стало разительно меньше, чем в прежние времена. Но каких лошадей? Тридцать миллионов составляло море беспородных крестьянских лошадок: «Ну, трогай, Саврасушка, трогай! Натягивай крепче гужи...» Теперь вместо гужей и хомута нагрузка перенесена на машины – тянет трактор и грузовик. А между тем рекорды ипподромных знаменитостей прежнего времени, которые когда-то казались недостижимыми, в наши дни ежегодно повторяют рядовые рысаки.

* * *

Премьер среди американских наездников Дансер соби-
рался приехать к нам, но... Вот как объяснил причину его
несостоявшихся советских гастролей Ирвинг Радд, пытав-
шийся их организовать. Спортивный журналист, Ирвинг от-
вечал за рекламу на ипподроме Йонкерс и регулярно наве-
дывался в Москву, чтобы договориться о нашем участии в
Призе Организации Объединенных Наций. Называл он три
имени среди своих мастеров призовой езды – Делвин Мил-
лер, Вильям Хотон и Стэнли Дансер. Но пока изыскивались
пути, чтобы пригласить кого-нибудь из них к нам, эти звез-
ды пятидесятых-шестидесятых годов закатывались одна за
другой. Дед Миллер, как его называли, по возрасту ушел на
покой. Хотон трагически погиб: при неудачном старте с раз-

ворота вылетел из качалки, его выбросило, как из катапульти. Остался Дансер – в чем задержка? Занят! У них в году 298 беговых дней, любой классный мастер у владельцев нарасхват, плюс повседневная работа, обусловленная обязывающим контрактом. Так и не получилось.

Ушел из жизни Радд, ушел и Дансер. Внешне и вообще по типу он напоминал нашего Александра Хиргу, и когда Саша оказался в США, чтобы выступить в Призе ООН, это сходство сразу признали. Кто помнит Сашу, округлого, плотно сбитого, некрупного крепыша, тот подтвердит: слово вымолвить было для него мукой мученической, выражал себя этот человек, лишь взявшись за вожжи, вот тогда – Хирга! Так и Дансер. Был он, что называется, плоть от плоти, потомственный и неотъемлемый, не имел ни общего, ни специального образования, наследственно принадлежал рысистому делу, и всё.

Успехи его и других названных наездников совпали с необычайным подъемом рысистого спорта в Америке. На трибунах того же Йонкерса волновалось до сорока тысяч зрителей, а бега в сезон, за исключением воскресенья, проходили ежедневно. И уход таких, я бы сказал, матерых мастеров был этапом – знаменовал изменение всей атмосферы.

С введением ТЗПИ, тотализатора за пределами ипподрома, трибуны сделались полупустыми, а то и вовсе опустели. При том что доходы ипподромов и суммы призов возросли, общий колорит потускнел. Даже жутко становится, словно

попал в обстановку фантастического фильма о неутешительном будущем: лошади бегут (или скачут), звонки то и дело раздаются, всевозможные табло сверкают, оповещая о результатах, секундах, ставках и выдачах, бесчисленные мониторы, даже в туалете, показывают каждое движение скакунов и рысаков – кому? Все на месте, кроме публики. Где же она?

Безгранично-многочисленная, невидимая, масса зрителей обретается в пространстве виртуальном. Мирового масштаба азарт удовлетворяется глобальным беговым кругом: каждые пять минут в мире совершается скачка или заезд, и, если хотите, в любое время дня и ночи ставьте в «длинном», сочетая первые и вторые места на Корсо ди Рома и мельбурнском Флемингтоне, а можно охватить «трифектой» еще и Акведук под Нью-Йорком.

Размах невиданный – все дальше и дальше от лошадей. Ими, собственно говоря, уже и не пахнет. Дансера, как и Радда, регулярно показывают по телевидению, будто они и не покидали сей мир, но это лишь подчеркивает, насколько же все с ними связанное ушло...

* * *

– Пусть лошади стали резвее, но зато лошади прошлого были выносливее! Прежде скакуны были сложены правильнее и более капитально. Обратите внимание, как часто встречается теперь у чистокровных лошадей свислый круп, а в

старое доброе время прямой круп...

— Что ж, — отвечал на вздохи о «старом добром времени» и о «лошадях прошлого» выдающийся итальянский коннозаводчик Федерико Тезио, — свислый, или приспущенный, а стало быть, напористый, круп действительно отличает современную скаковую лошадь. И это залог ее резвости, обеспечивающей могучий толчок задними ногами. Говорят, лошади с прямым крупом лучше выдерживали дистанцию. Может быть, выдерживали... Вы мне скажите, почему теперь лошади с таким крупом и на длинной и на короткой дистанции оказываются позади лошадей с «неправильным», приспущенным крупом?

Не так-то просто оценить перемены, приносимые ходом времени. Когда Чехова убеждали: «Современные люди стали особенно нервны! — он морщился. — Бросьте, люди всегда были нервны...» Так и лошади — если не приходится им теперь совершать пробегов по сто верст, то это еще не значит, что они уступают ямским тройкам. Пойдите на ипподром, посмотрите розыгрыш классного приза, и перед этим померкнут все «чудеса старого доброго времени».

Было у нас время, к сожалению, совсем не далекое, когда пробовали думать, будто конный спорт устарел. На конный спорт стали смотреть как на нечто провинциальное, побочное по мере того, как почти прекратила существование кавалерия, а в транспорте и сельском хозяйстве машины оттеснили лошадь. Это прежние, сильно задержавшиеся представле-

ния о лошади переживали окончательный кризис, который показал: исчезает не лошадь, не конный спорт, а рушится давняя подоплека, питавшая их. Надо искать новые ресурсы, по-новому «оправдывать», то есть иначе, чем некогда, рассчитывать и обеспечивать существование лошади среди машин и механизмов.

В критическую пору дал себя знать энтузиазм рядовых конников. Им наш спорт обязан тем, что у нас есть призеры и чемпионы мирового класса. Что чемпионы! Чемпиона можно вырастить и парникового. Они сохранили и развили реальный спорт – народный, массовый.

«В голове у меня одни лошади», – писал мне тогда Шурка Панков, победитель первенства Российской Федерации среди сельских конников.

А я помнил время, когда в голове у Шурки не было лошадей. Были голуби. Потом собаки. Даже удивлялись: сын наездника, а лошади ему нипочем. Но природа взяла свое, наездничья кровь заговорила. На юношеских соревнованиях общества «Урожай» Шурка завоевал первое место. Он сразу показал «чувство лошади».

Это чувство проявилось в смысле более широком, когда надо было не только ехать на лошади, но пришлось защищать ее. Чувство это подсказало ответ на все самые большие вопросы: где взять средства на содержание конноспортивных школ, нужна ли современному человеку верховая езда и т. п.

– Ни один колхозный праздник не обходится у нас без состязаний конников, – рассказывает секретарь комсомольской организации колхоза «Победа» Читинской области, спортсмен Николай Хакимов. Он говорит это теперь, сидя в редакции журнала «Коневодство и конный спорт», говорит, вспоминая, какова была борьба за лошадь. А вот его прежнее письмо в редакцию, и я прошу читателей оценить, как пишет конник:

«Наш колхоз «Победа» имеет триста лошадей, из них две-сти рабочих, остальное молодняк. Лошади используются на самых разных работах – на подвозах грузов, на пастбищах. Конь продолжает верно служить сибиряку-забайкальцу. Лошадей легких, быстрых, спортивных в Сибири издавна называют бегунцами. Народные празднества всегда сопровож-дались состязаниями бегунцов. Конечно, эти состязания бы-ли очень просты, можно сказать, примитивны в сравнении с ипподромными испытаниями: скакали без седел, без спе-циальной дорожки. Но держались эти состязания народной любовью к коню и тем были дороги.

Обидно было видеть, как исчезают, забываются бегунцы. Где-то около 1957 года совсем их не стало. Такое было вре-мя, такое настроение – «лошадь свое отжила». Как будто у людей, говоривших это, не было глаз, и они не видели, что наши горы, наши леса все так же суровы, и без хорошей ло-шади делать в них нечего. И опять шло время, и опять меня-лись настроения. И, наконец, настал час, когда колхоз име-

ни Кострова Шикшинского района возродил традицию соревнований бегунцов. Было это в 1965 году. С тех пор у нас каждый праздник – скачки. Колхозная молодежь в первую очередь, конечно, принимает в них участие.

Я мечтаю о том, чтобы у нас был построен настоящий ипподром, была создана конноспортивная школа. Мы все здесь – прирожденные конники, можно и лошадей хороших подобрать. Нам нужна помощь – советом, средствами, делом. Сложив руки мы и сами не сидим...»

И журнал помог сибиряку. Его связали с конным заводом «Восход» Краснодарского края, лучшим в стране. Директор завода В. В. Иванов пригласил его к себе – на выучку. Он прошел стажировку у опытных тренеров и жокеев. Я увидел Николая Хакимова, когда впервые в жизни скакал он на Московском ипподроме в призе. Он пришел предпоследним, однако место тут ничего не значило. Большой этап пройден. Его ждут в родных краях, скоро он поедет домой работать и поделиться со своими друзьями всем, что удалось ему узнать, усвоить, накопить. Николай Хакимов верит: сибирские бегунцы будут выступать на современном уровне!

И хотелось бы думать, что сбылась мечта Петра Руденкова, который когда-то мне написал из поселка Мирного Солнечногорского района Оренбургской области. Писал Петр как допризывник, ожидая повестки из военкомата: «Мне пришел ответ из Москвы. Можно надеяться, что буду служить в кавалерии. Даже не верится, что это может случиться. В общем,

наверное, буду кавалеристом. Дела у меня идут хорошо. Работаю. Стал увлекаться рисованием. Я и раньше рисовал, но плохо. Теперь вроде что-то стало получаться».

Что ж, и в спорте «солдат надеется стать когда-нибудь генералом». Вильям Фолкнер, известный американский писатель и большой поклонник лошадей, наблюдая в Кентукки обычную тренировку обычных всадников-мальчишек, отметил: каждый конь двигался так, будто на секунду воображал себя Попляр-Хиллом (выдающийся скакун, вроде нашего Анилина), каждый мальчишка сидел с таким видом, будто он уже Эдди Аркаро (как наш Насибов). Но, главное, всякий, кто переступит порог конноспортивной школы, конюшни или манежа, кто увидит в действии дорожку ипподрома, быстро убедится, насколько это самостоятельный, развитый, глубокий, яркий, словом, «волшебный мир».

Волшебство, помимо всего прочего, заключается ещё вот в чем: на конюшне сходятся люди, которых не увидишь рядом где-либо в другом месте. Дважды был я на Кубе, а где встретился с Фиделем Кастро? На Московском конзаводе. В опере не раз слышал Паваротти, а единственный раз в жизни оказался с ним рядом там же, на конюшне. Мог бы я привести список заметных лиц из самых разных миров, оказавшихся вместе на конюшне, а я при сем присутствовал, но лучше покажу несколько «кадров» из конного мира.

Жизнь на благо лошадей

«Всю жизнь отдал я на благо лошадей», – так говорит ветеран-кавалерист ещё Версальской выучки. Он же говорит: – Я видел езду Джемса Филлиса.

Филлис! Нелощаднику и передать трудно магнетизм этого имени. В литературе или искусстве это все равно, что сказать

«Я знал Блока», «Я слышал Шаляпина». Волшебник выездки, целая эпоха в седле – таков Филлис. Расцвет его славы приходится на рубеж XIX–XX веков. Он много работал в России, обучая своей школе езды наших офицеров. Когда в 1913 году Филлис скончался в Париже, на его могилу был возложен венок «От русской кавалерии».

Все знает свой прогресс. Развиваются и приемы выездки. Когда-то, во времена классицизма, тон на манеже задавали кавалерийские школы Версаля и Сомюра. «Духу века» соответствовали высоко поднятые и скрученные книзу головы лошадей. Гнули тогда не только в затылке, как говорится, но и в шее. Получалось парадно, помпезно, однако малоестественно. Потом появился реформатор Франсуа Боше, версальский наездник, пересмотревший во многом приемы Версаля. Он дал коню большую свободу; но все-таки и Боше оставил лошадь за «поводом»: то есть не позволил ей вытянуть шею и упереться на удила. И вот пришел Филлис.

«Не сходя с пути, начертанного великими мастерами искусства верховой езды, – говорит он в автобиографии, – я мало-помалу выработал свой метод».

Филлис в своей сфере, подобно Ньютону в науке, признавал, что успехов он достиг потому, что стоял на плечах гигантов. Не моего ума дело судить о выездке или физике, но для любой деятельности сохраняет свое значение правило *непротиворечивости*, как это называл Нильс Бор: новое лишь тогда в самом деле новое, если им усвоено старое; новые

мастера должны овладеть техникой, выработанной классиками, иначе это всего лишь авангардизм, который пройдет как мода. Научившись всему, Филлис преобразовал все. Сидеть, держать коню голову, «собирать» лошадь, то есть подготавливать ее к движению, стали после него не так, как делалось это д'Ором или Боше. Современные всадники также многое переменили. И все-таки имя Филлиса звучит необычайно громко для конников. Потому и вздрагиваешь, когда старик в сапогах и венгерке образца Первой мировой войны произносит: «Филлис».

– Да, я видел его.

Это рассказывает Тимофей Трофимович Демидов – выпускник Высшей кавалерийской школы в Петербурге, драгун, в сабельные атаки ходивший в Первую мировую войну, трижды георгиевский кавалер, участник Первой советской сельскохозяйственной выставки в 1923 году, тренер-пенсионер. Он говорит:

– Я и Толстого видел.

– Не может быть! Где?

– По рождению я тульский, Веневского уезда. У нашей помещицы Игнатьевой, имевшей свой конный завод, торговал имение кто-то из детей Льва Николаевича. И мне посчастливилось встретить его самого. Ехал к нам в деревню на паре, запряженной в дышло, с кучером. Спросил меня: «На Богородское я здесь проеду? Дорога там в порядке?» Я отвечал. «Хорошо, хорошо. Спасибо», – были его слова. Потом, пом-

ню, когда начал я служить и наш Переяславский драгунский полк стоял в Плоцке под Варшавой, нас как-то построили, и командир полка объявил: «Вчера на станции Астапово скончался великий мыслитель всего человечества Лев Толстой». Офицеры надели траур.

– А Филлис?

– Филлиса увидел я уже в Петербурге, когда меня одного от полка послали в кавалерийскую школу. Мы занимали Аракчеевские казармы. Здесь, на манеже, Филлис по просьбе офицеров демонстрировал некоторые приемы. «Филлис! Сегодня будет ездить сам Филлис!» – говорили в школе, и все стремились посмотреть прославленного всадника.

– Что же особенного?

– Запомнилась гибкость его рук. Быть может, так лишь казалось, но думал я тогда, будто даже лошади понимают, кто сидит на них, – с исключительным послушанием подчинялись они воле всадника. Филлису царь говорил: «Делайте мне замечания». Все равно ездил царь неважно... Множество раз на манеже видел я Алексея Алексеевича Брусилова. Вот что было у меня на глазах: «Ты как сидишь? Как сидишь, я спрашиваю? Почему ноги болтаются как макароны?» – распекал Брусилов одного из всадников. «Ваше превосходительство, – говорят тут Брусилову, – это же сербский кронпринц Кара-Георгиев». – «Вот хорошо, теперь хорошо. Посадка правильная!» А посадка все та же, и ноги по-прежнему «как макароны». Но попробуй, хотя бы и Брусилов, ска-

зять другое «принцу крови».

– Ездить учили крепко, – продолжает вспоминать старый кавалерист. – В школе попал я в берейторское отделение. Посадка считалась у меня не особенно прочной, но зато хвалили мягкость рук. Много изучали лошадь. Сколько у лошади костей?

– Не знаю.

– Двести двенадцать. Да... После того как я окончил школу, в полку берейторам полагалось давать самых строптивых, отбойных лошадей. Мне достался конь Ефрем. Он имел привычку опрокидываться назад. Каждый день я на нем ждал смерти. Едва успел я отслужить и прийти домой, как началась война. Меня призвали в 3-й Смоленский уланский полк.

– И вы в атаки ходили?

– В Польше, под Брезиной, впервые пошли в атаку. «Шашки вон! Пики в руку!» – и понеслись. Немногие вернулись с поля... В Восточной Пруссии у деревни Картал повел нас в атаку полковник-француз Мелио. «Чем скорее пойдем, тем вернее будет дело – сказал он нам. – Марш! Марш!» И, не выпуская изо рта дымящейся трубки, помчался вперед. Мы за ним. Поначалу немцы растерялись. Но вот справа заговорил их пулемет. Мы стали заворачивать. От полка уцелело не больше тридцати человек.

– Где же вы закончили службу?

– В Екатеринославской губернии на Украине нас застала революция. «Довольно, довольно! – требовали солдаты. –

Хватит войны!» Пошли митинги. Стали сменять командование. Выбирать новое, свое. Многие поехали по домам, поехал и я. Начал работать в родных краях, под Тулой в Першине, где была государственная конюшня.

– Першино – известные места...

– Еще бы! Великокняжеская охота. До тысячи борзых. Князей и борзых, когда я приехал в Першино, уже не было, но жили еще некоторые охотники, псары. Познакомился я со старшим доезжачим, возглавлявшим всю охоту, Ефимом Ивановичем Алексановым. Собак он знал удивительно. Мы поехали с ним как-то в знаменитый Хреновской конный завод, там кое у кого были охотничьи псы. Ефим Иванович лишь увидит собаку, тотчас называет породу и происхождение. Хреновские проверяли по документам, и все сходилось. «Что за человек?» – все поражались. Нашелся альбом по собакам, и когда его раскрыли, то на фотографии сразу попался со сворой Ефим Иванович. Нам от охотников-любителей не стало отбоя: каждый тянул к себе «на чаек», побеседовать. Был еще в Першине Никита Григорьевич Рошин, также охотник. Профессия у него была редчайшая – подвывало. Он рассказывал, как надевал тулуп, забирался с вечера на всю ночь в лесу на дерево и выл волком. Сходились к нему серые целыми выводками и стаями. Так перед выездом на травлю проверяли, где есть волки и какие.

– А в толстовские места вы заглядывали?

– Обязательно. Уже в 1929 году попал я в Ясную Поляну

на митинг, посвященный памяти писателя. Крестьяне пели песни, которые любил Толстой. Неподалеку от главного дома выступил с трибуны старик: «Однажды решил я стащить гречихи. Пошел вечером на поле, связал снопов пять, нес. Навстречу вдруг Лев Николаевич. «Иван, говорит, не много ли ты взял? Смотри, в имении новый управляющий, очень, говорят, строг. Ну, неси, неси».

– Лермонтова тоже знал... – добавляет Демидов.

– Как Лермонтова?

– Служил в нашем полку. Поэту он приходился дальним родственником. О нем в газетах недавно писали. Хотелось бы теперь встретиться... Последний раз видел я его в Першине. Кто-то приехал в конюшню. Смотрю – Лермонтов. Говорю конюху: «Степан, Лермонтов!» А он услышал. «Вы меня знаете?» – «Так точно. Вы штабс-капитан Лермонтов. Служили в Переяславском драгунском полку. Ездили на кобыле Приветная». И он меня признал. Поехали мы с ним верхами в поля. «Это же, Трофимыч, – говорит он, – наши, лермонтовские места». – «Совершенно верно. Рядом Кропотово, имение отца поэта».

– Лермонтов, – говорит Тимофей Трофимович о поэте, – в школе подпрапорщиков учился, профессиональный кавалерист был...

Интересно и странно как-то слушать конника-ветерана, в чьей живой памяти соединяются небывалые времена, люди и... лошади.

– В 1923 году, – продолжает он рассказ, – с группой горных арденов, бельгийских упряжных, среди которых был жеребец Рубикон, оставивший заметный след в породе, меня послали на Первую сельскохозяйственную выставку. (Ту самую, описать которую командировали Михаила Булгакова, он бывал на выставке с дамой, вероятно, поэтому не заметил лошадей.)

Тимофей Трофимович поднялся и показал, как на выводах приходилось ему объявлять клички и происхождение лошадей:

– Бенфэ де Манюи от Мамзель де Булан и Юпитера Первого! Выводка требует сноровки. Лошадь должна стоять как памятник. Уши стрелками. Ноги в правильной поставе – все четыре видны. Один конюх особенно ловок был. Он как поставит лошадь на выводной площадке, так начинает потихоньку дуть ей между ноздрей, а лошадь настораживается и, как нарисованная, замирает!

Среди орловских рысаков чемпионом тогда был признан Ловчий, полученный в Прилепском конном заводе Яковом Ивановичем Бутовичем.

– Якова Ивановича я тем более знал, – говорит Демидов. – Прилепы и Першино – все под Тулой. Он был наш сосед.

Бутович, как Филлис, – имя легендарное в конной среде. Это не только имя, но традиция в коневодстве.

– Он так знал лошадь, – вспоминает Тимофей Трофимович, – что, говорили, масть жеребенка способен угадать еще

в брюхе матери.

У Бутовича достало в свое время проницательности приобрести Громадного, отца великого Крепыша. Громадный был уже дряхл и к тому же слеп на один глаз. Императорское общество поощрения коннозаводства отказалось взять его на государственное содержание. Но Бутович мыслил глубже, он помнил: Громадный дал Крепыша, а Крепыш вовсе не является какой-то счастливой случайностью, в нем соединилась кровь самых беговых, наиболее резвых семейств орловской породы.

– «Позор, если пропадет Громадный!» – вспоминает Трофимыч слова Якова Ивановича. И за баснословные по тем временам и по возрасту жеребца деньги Бутович купил старика.

От Громадного он получил у себя в заводе серую Леду; от Леды и Кронпринца, потомка Крутого и Лебеда Четвертого, родился Ловчий. Он удостоился чемпионского титула на Первой выставке, а в 1930-е годы чемпионом породы был признан сын Ловчего и Удачной, феноменальный Улов, абсолютный рекордист. Одним из резвейших рысаков послевоенного времени был сын Улова – Бравурный. В 1950-е годы на бегах гремел и был отмечен на выставке аттестатом 1-й степени сын Бравурного – Бравый. Так до сих пор в этой и в других линиях орловской породы сказывается чутье старого коневода.

Бутович был непоколебимым патриотом отечественной,

орловской породы, считал себя наследником дела Орлова, Шишкина, Малютина, крупнейших коневодов прошлого. Не случайно поэтому в известной повести Петра Ширяева «Внук Тальони» маститый коннозаводчик Аристарх Сергеевич Бурмин напоминает временами то Малютина, то Бутовича. И когда Бурмин утверждает: «Слава отечества не померкнет, ибо гений орловского рысака бессмертен», – он выражается слогом Бутовича.

Натуре Бутовича было органически присуще созидательное, творческое начало. Хотя во взглядах на рысистую породу он расходился с лучшими деятелями нашего коневодства начала века Телегиным или Лежневым, но в принципе Бутович действовал заодно с ними, стремясь в новых условиях после Октябрьской революции сохранить ценнейшее поголовье своего завода. В то время, когда многое из старого мира подлежало разрушению и само созидание мыслилось через разрушение, Бутович стремится в своей сфере как можно больше сохранить. Он пишет о лошадях, о методах заводской работы, если становится ему затруднительно вести практическую деятельность коневода. Он передает новому государству уникальную галерею конных картин, имеющих как художественное, так и научно-зоотехническое значение. Эта коллекция дала начало музею коневодства Тимирязевской сельскохозяйственной академии...

– Что ж, к верховому делу вы так и не вернулись? – спрашиваю Трофимыча.

– Как же! В Туле мне приходилось скакать на першинских лошадях. На скачки мы ездили вместе с Алексеем Алексеевичем Барановым, достоверно выведенным в повести Олега Волкова «Последний мелкотравчатый». Это был действительно редкий энтузиаст конного дела и охоты. Таких, сколько ни приходилось мне видеть нашего брата лошаадника, по пальцам можно пересчитать. А перед самой Отечественной войной поступил я инструктором в кавалерийскую школу Осоавиахима в Москве на Поварской. Выучку в этой школе прошли многие впоследствии заслуженные наши всадники – Игорь Коврига, Павел Чулин... Грянула война, я отправился в Первый Московский завод эвакуировать лошадей. Вражеская разведка подбиралась к заводу на расстояние до четырех километров. Мой сын Сергей ушел на фронт. Он был в сражении на Курской дуге.

– Был в сражении... – улыбается Демидов-младший, тоже седой. – Плакал, сказать точнее. В огонь я попал совсем мальчишкой. Как прошла артподготовка, как небо с землей смешали, я в землю зарылся, мать вспомнил и заплакал...

– Он до Восточной Пруссии дошел, – твердит старик. – Сын мой воевал в тех же местах, где наш уланский полк с боями проходил. Сергей награды получил там же, где мне дали три Георгиевских креста!

Отец и сын, ветераны двух мировых войн. Седина. Годы. Георгиевские кресты. Медали «За отвагу», «За победу». Память.

– Я тоже помню, – говорит Демидов-младший, – Бутовича, Кронпринца, Прилепы, Першино...

Он, как и отец, помнит:

– ...Плоцк, Мариенвердер, Восточная Пруссия...

Демидов-старший рассказывает:

– Мой дед служил по-старинному: двадцать пять лет. Всю жизнь. Был в турецкой кампании, а с полком стоял в Сувалках. В Сувалках я тоже стоял в четырнадцатом году...

– И я был в Сувалках, в сорок пятом, – говорит Демидов-младший.

– С Московским заводом, где работал я в войну, – продолжает старик, – оказалась связана вся последующая жизнь. Мне особенно дорога память об одном случае: приехал Семен Михайлович Буденный. Он присмотрелся, как я провожу занятия со студентами-практикантами по верховой езде, и говорит: «Сразу видно – настоящая школа!»

Маршал С. М. Буденный перед началом кавалерийского
смотра.

*«Отец знал лошадь, имел к ней подход, умел
тренировать, видел, что она из себя представляет, и
мог предсказать её будущее по экстерьеру».*

Н. Буденная (интервью 1990-х гг.)

Маршал Г. К. Жуков на Истоке. (Тот самый Исток, кото-
рый меня вышиб из седла).

Внучатый племянник Крепыша Бравый перед резвой
Одесский ипподром, 1960
Фото Ю. Оленева

Октябрьский Парад в Звенигороде, 1961

«Испанский шаг» демонстрирует на Памире Павел Туркин.

Подо мной Помпей, брат Памира (братья-тракены от Пилигрима).

Из журнала «Хорс энд Шоу». 1969 г.

Снимок, возмущивший наших наездников: не расставлены локти!

За пассажиров Е. В. Шаширин и мэр г. Нортфильда, штат Огайо.

Вн. Тростуля. Липовица 1949. 20

К лошадям!

С Борей Ливановым и собачкой Касьяном, Николина Гора, 1978 г.

Шарж Василия Ливанова.

«Перемена ног» – фигуру высшей школы верховой езды на Абсенте демонстрирует Олимпийский чемпион Сергей Филатов.

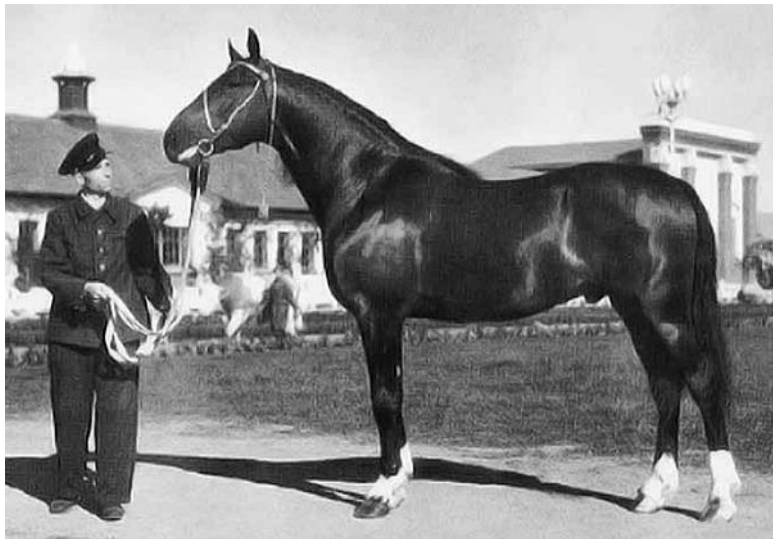
Из архивов Московского ипподрома.

Лошадь в сборе под седлом Сергея Филатова.

Точный расчет троеборца. Фотоэтиюд А. Шторха.

Абсолютный чемпион орловской рысистой породы Квад-
рат со своим воспитателем Василием Курьяновым.
Из архивов Павильона Коневодство на ВДНХ.

Татьяна Куликовская, 1940-е гг.

Мастер спорта и мастер-преподаватель верховой езды.

«На птицу в полете был Борька похож...»

Шестикратный чемпион страны и победитель международного «Приза наций» Борис Лиллов на Диаграмме.

Стенли Дансер, 1960 г.

Был и остаётся неподражаемым среди американских на-

ездников.

Фото из архива С. Дансера.

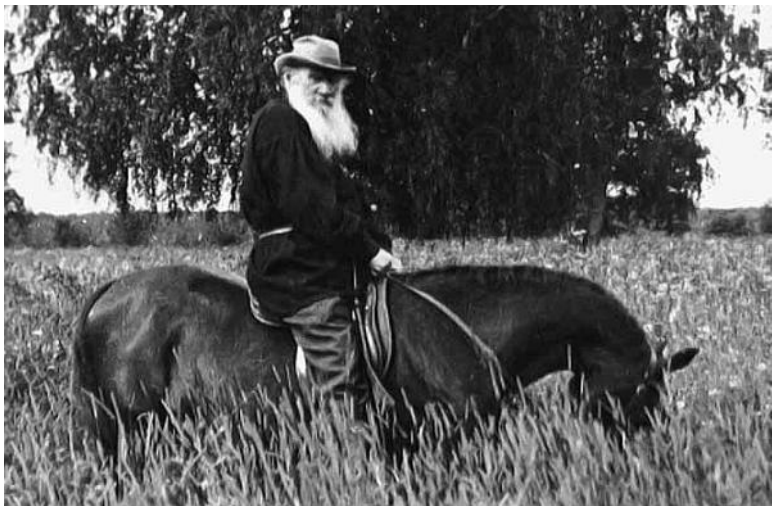
Король русских рысаков и король призовой езды. Крепыш
в руках Кейтона, 1912 г

Из журнала «Русский спорт».

«И у меня в пьесе есть лошадь».

А. П. Чехов в Мелихово.

«Толстой всю жизнь ездил на лошади».

Из кн. А. П. Сергеевко «Рассказы о Толстом».

На «Делире»

Миллион Николая Насибова

«Миллионерами» называют у нас летчиков, машинистов, чей трудовой путь в облаках или по земле растянулся на тысячи и тысячи километров. Сколько «накрутил» жокей международной категории Николай Насилов по дорожке ипподрома, пока не подсчитано. Но известен доход, прине-

сенный им государству в золотых рублях: за четырнадцать лет, участвуя в соревнованиях на ипподромах мира, Насибов взял призов общей суммой в миллион рублей.

Родителей Николай не помнит. Он вырос сиротой на Куларском конном заводе. Конюшенный мальчик – ездок-жокей – мастер-жокей – жокей международной категории и, наконец, главный тренер скаковых лошадей Центрального Московского ипподрома: его подъем был одновременно и труден и блистателен. Берлин, Варшава, Прага, Стокгольм, Осло – такова география его начального триумфа за рубежом.

На «Большой интернациональный круг» Насибов вышел с темно-гнедым Гарниром (от Рауфбольда). В 1958 году впервые в истории нашего скакового дела Насибов пересек океан и принял участие в Вашингтонском международном призе на ипподроме Лорел, где собирается скаковой цвет и Европы, и Америки. Особый успех Насибова оказался связан со светло-гнедым Анилином конезавода «Восход». Осенью 1967 года Насибов достиг небывалого: в третий раз подряд на ипподроме в Кельне взял Приз Европы. Анилин стал «трижды венчанным».

В чем сила Насибова, его секрет? «Понимание скачки», – тотчас ответит специалист. Как никто, умеет Насибов схватить, что происходит на дорожке, чем опасны соперники; с удивительным расчетом распоряжается он лошадью по дистанции.

– Наши скакуны, – говорит мастер, – отличаются силой, выносливостью. На Западе культивируется резвость, езда «на бросок». Особенно английские и французские жокеи едут, выжидая, выдерживая, а на последней прямой они добиваются от лошади страшной резвости – 500 метров в 27–28 секунд. Вот почему летом 1966 года Анилин буквально у самого финишного столба все-таки отдал Вашингтонский приз, когда победа была так близка...

Уже в первом повороте Анилин рывком захватил лидерство и повел скачку. Насибов наращивал темп, заставляя соперников ехать как можно резвее с самого начала. Следом держался американский скакун Ассагаи. В пятидесяти метрах от финиша Анилин был по-прежнему первым. Ни Ассагаи, которого прочили в победители, ни французский фаворит Васко да Гама, пытавшиеся обойти Анилина, не могли угрожать ему. Но была в скачке еще одна французская лошадь – Бехистоун. Нужно обладать большой верой в класс своего скакуна, чтобы, как жокей Дефорж на Бехистоуне, идти всю дистанцию последним. Только на финишной прямой Дефорж выслал Бехистоуна, и тот буквально полетел мимо всех. Фото- и кинокамеры сохранили зрелище этой схватки: до столба считанные метры, Анилин и Бехистоун скачут «ухо в ухо», «ноздря в ноздрию»...

– Николай, почему, как видно на снимке, Дефорж почти бросил повод, а вы, кажется, еще придерживаете Анилина?

– В этом все дело: хотел помочь лошади. Дефорж сохра-

нял силы Бехистоуна до конца, а потом выпустил лошадь, словно камень из рогатки. Анилин же вынес на себе всю скачку. Его надо было поддержать, дать ему возможность опереться на удила, на повод.

– А если бы вы стали на Анилине «сторожить» их всех где-нибудь сзади?

– Нет, на бросок не возьмешь. Приходится ехать, как говорится, на силу. Я бы сказал, сегодня задача всего нашего коневодства – добиваться у лошадей резвости. Дело в том, что до сих пор, разводя чистокровных скакунов, мы непременно учитывали хозяйственное, военное значение коня. В «чистом» виде ипподромный скакун, конечно, не используется ни в поле, ни в строю. Он действует как производитель, как «улучшатель» полукровной лошади. И в этом смысле от него, естественно, требуется прочность, ширина кости, рост. Поэтому у нас обращали внимание на многие «рабочие» качества племенного потомства. А на Западе уже давно отбор ведется по одному признаку – только резвость! При мне наши специалисты, покупая у одного английского владельца жеребца, качали головами: «Всем хорош, да слишком маленький...» Англичанин сказал: «Когда он скачет впереди всех, он совсем не кажется маленьким!»

– Классные лошади принимают участие в Вашингтонском призе?

– Еще бы! Позади Анилина в побитом поле остался тогда Том Рольф. Среди американских скакунов он числился чем-

пионом. И его призовой «заработок» к трем годам превысил четыреста тысяч долларов. Правда, Анилину он проигрывает уже не первый раз. Мы с ним встречались в Париже в скачке на Приз Триумфальной арки. Шло двадцать лошадей. Том Рольф остался шестым, а я на Анилине был пятым.

После классического Эпсомского Дерби в Англии, Триумфальная арка – самый почетный международный приз. Анилин был первым советским участником в этом соревновании. Все скаковые эксперты отметили тогда выступление Анилина. Он и значился у них – «тот, что был пятым в Триумфальной арке». Репутация высокая. Не надо забывать, что лорд Дерби, основатель традиционного приза, всегда мечтал, чтобы его лошадь выиграла этот приз. И не дождался. С конца XVIII до начала XX века из класснейшей конюшни лордов Дерби было всего один-два победителя Дерби. Вот что значит подобный приз.

– Вообще отношение к нашим конникам, – говорит Насибов, – куда ни приедешь, совершенно исключительное. «Советский Союз, Россия, лошади» – эти слова открывают все двери и все объятия, неважно – проиграл или выиграл. А случается по-разному. Скачки есть скачки! Первейший американский жокей Эдди Аркаро на Вашингтонский приз скакал семь раз и только один раз был победителем. Лорд Дерби сто лет ждал... Ах да, вы знаете.

Я знаю также, что говорится в программе Вашингтонского приза: «Николай Насибов – ведущий жокей Советского

Союза и один из лучших жокеев мира».

«Нет лошади, которая могла бы сделать два резвых броска по дистанции», – говорили знатоки, когда Анилин прибыл осенью 1967 года в Кельн для участия в Призе Европы. Иными словами, если тактика Насибова останется прежней и вновь он поведет скачку, складывая ее «на силу», то на финише Анилина «не хватит». В Призе Европы также участвовал советский скакун Акташ; ехал на нем Андрей Зекашев – еще один мастер международного класса. Эксперты думали: соконюшеник Анилина возьмет на себя роль лидера, а Насибов будет беречь своего гнедого до конца. Однако едва прозвучал звонок старта, Анилин стремительно вырвался вперед. Езду Насибова сочли рискованной и безнадёжной: Анилина «сторожили» французский скакун Танеб, победитель Гран-При на ипподроме Сан-Клу, западногерманский дербист Люциано и другие выдающиеся лошади.

– Я понял, – рассказывал потом Оскар Ланген, жокей Люциано, – Насибов решил взять всю скачку на себя, и его во что бы то ни стало надо перехватить.

На финише Люциано подошел к Анилину вплотную.

И тут насибовский посыл! Точный расчет возможностей лошади, единство, слитность со скакуном, воля всадника, переданная коню: «Вперед!» Публика даже не успела пережить, прочувствовать мгновенной, но отчаянной борьбы, как Анилин был первым у столба. Спортивным комментаторам оставалось единодушно признать: «Вот это да!»

– Николай, еще одно «техническое» уточнение: почему западные жокеи сидят выше, чем вы?

Поясню смысл моего вопроса: современная, «обезьянья» посадка жокеев – стоя на стремянах и скорчившись – привилась в скаковом деле сравнительно недавно. Она имеет случайное, почти анекдотическое происхождение. Прежде сидели «глубоко», на длинном стремени. Именно сидели в седле, а не подымались на стремянах.

Конные картины английского живописца Джеймса Херринга, которые часто упоминаются в романах Голсуорси, сохранили нам вид прежних скачек, прежней «глубокой» или «длинной» посадки. Но вот заметили, если на лошади скачет малоопытный человек и, не умея как следует ни сидеть, ни управлять, хватается за гриву, а вместе с этим наклоняется вперед и привстает на седле, то лошадь идет быстрее: даже опытные жокеи, но сидящие «глубоко», остаются позади. Объяснение этого заключалось в том, что у лошади облегчалась работа задних ног, толчок задними ногами получался сильнее, производительнее. Тогда и жокеи переняли «обезьянью» посадку – стремяна стали короче, седло уменьшилось, в скачке уже не сидели, а стояли, сжавшись, на стремянах.

Правда, находились и консерваторы, как знаменитый Фред Арчер, который до конца своих дней не переменял посадки и, сидя по-прежнему на длинном стремени, все-таки выигрывал. Фред Арчер вообще был жокеем-фанати-

ком. Чемпион чемпионов, «гений в седле», как его называли, он не знал поражений в серьезных призах и лишь однажды в традиционной скачке остался вторым, проиграв голову. Причиной тому был лишний вес. Для многих жокеев вес является сущим бедствием, мукой всей жизни. Они морят себя жестоким голодом, по целым дням сидят в парной. «За пятнадцать лет, – признается современный английский жокей Фред Палмер, – я выпарил из себя пять тонн». «Мой рацион, – рассказывает французский жокей Этьен Полле, – состоит из стакана теплой воды рано утром и легкого ужина вечером. А днем, чтобы отбить аппетит, я жую сигары...» И вот Фред Арчер, чтобы взять реванш, стал сгонять фунт за фунтом. Чрезмерным «потением» он довел себя до беспомощности, до безумия. В горячечном припадке Фред Арчер застрелился. Ему не исполнилось и тридцати лет... С таким же упорством сохранял этот одержимый длинные стремяна и «глубокую» посадку.

Теперь на Западе посадка жокеев перешла в другую крайность, стремяна укоротились донельзя, жокеи почти стоят на седле.

– Для чего это, Николай? Зачем так высоко? И почему вы сохраняете более низкую посадку?

– По-моему, я вам с самого начала ясно сказал, все дело в стиле скачки – на силу или на резвость, на бросок. Тот, кто всю дистанцию сдерживает лошадь, конечно, сидит как можно выше и короче, а мне, например, приходится ехать

в посыле, все время «качать» поводьями, чтобы заставить лошадь идти быстрее. Естественно, для этого нужен упор, нужно быть ближе к лошади. Угол необходим для усилия. Иначе выдохнешься в два счета и до столба не дотянешь.

– А если...

– Ну, знаете, так мы никогда и не кончим. Мне на проездку пора!

* * *

«Николай Насибов работает в заводе двадцать пять лет, это половина жизни завода, – сообщил мне Шимширт, начкон «Восхода». – Именно за этот период у нас было выращено наибольшее количество классных лошадей и почти на всех них скакал Насибов».

Насибов – скакал, а выдерживал, то есть тренировал скакунов, Фомин. На лошадь «Фома» (так он себя называл) не садился, и нельзя было позавидовать той лошади, на которую бы он взобрался: тучен был, сильно тучен. Но сколько раз приходилось быть свидетелем такого зрелища! Смотришь скачку из паддока – среди тренеров. Насибов со старта держится сзади. На противоположной прямой выдвигается он вперед, и слышен торжествующий шепот тучного тренера, который, быть может, и в седле почти не сидел: «Фома! Фома поехал!». Расчет и руки жокея взяли от лошади воспитанное в ней тренером. А начкон Шимширт? Тот, что ло-

шадь эту вывел, мне сообщил: «Заводу исполняется 50 лет. Задолго до этого я начал собирать фотографии наших лошадей для юбилейного альбома. Эта работа завершена, альбом сделан, в нем около двух пудов и больше 500 снимков 13×18 размером: листаешь – вспоминаешь...»

Абсент по соседству

Вороной Абсент, олимпийский чемпион, мой сосед. Чтобы повидать его, нужно по мосту пересечь Москву-реку, чуть пройти, повернуть налево, еще раз налево... В центре городской жизни, среди бесконечных машин, магазинов, огромных зданий тут же, за углом, открывается дверь в теплый по-

лумрак конюшни – сеном пахнет, и поглядывают из-за решеток лошадиные морды. Что Фолкнер называет: «Горьковатый, терпкий и притягательный аромат конюшни». Вот Абсент. Сух, породен.

Чемпион повел глазом на скрип двери. Разглядев, однако, что чужой, остался, как был, стоять головой в угол. Он отдыхает после тренировки, он просит его не тревожить. Нервов требует высшая школа выездки. Потому и Абсент и другие лошади, те, что рядом вздыхают, постукивают или хрустят сеном, так тревожно посмотрели на скрип двери и на вошедшего. Уши насторожились, глаза заблестели: опять манеж? Опять удила и шпоры? Известно: лошадь любит конюха, а не наездника.

Среди призовых рысаков или скакунов встречаются натуры настолько нервные, что тренеру от приза до приза, от езды до езды им на глаза лучше и не показываться. Черновую, подготовительную, повседневную работу на них проводит конюх или помощник наездника: лошадь спокойна. Но едва увидит она рядом того, с кем связан решающий бег, борьба, высшее напряжение сил, как тут же вся затрясется, задрожит, а то отвернется в дальний угол денника, перестанет принимать корм и на глазах будет сохнуть. Может быть, лошадь не хочет простить наезднику какую-нибудь грубость? Такие лошади хлыста обычно никогда и не видят. «О-о-о, маленький... О-о-о, миленький... Хороший, хороший...» Эти лошади не пугливы и не робки, они, наверное, страшно само-

любивы. Борьба за приз – невыносимое испытание для их гордости.

«Высшая школа» тоже вся на нервах. Лошадь поставлена тут в наименее естественное для нее положение. По указанию всадника под властью повода и под нажимом шпор она выполняет фигуры, движения которых нет, так сказать, в природе: «Галоп на трех ногах», «пируэты», «поворот на переду или на заду».

Джемс Филлис, великий ездок, был невысокого мнения об «умственных» способностях лошади. Натуралисты ставят лошадь по «интеллекту» среди животных только на седьмое место после кошки, слона и свиньи. Психологи отрицают способность лошади «соображать». Считается, что феноменальный Умный Ганс, орловский рысак, выдрессированный господином Остеном в начале нашего века, который стуком копыт (то есть телеграфными сигналами) «говорил» на нескольких языках, умел считать, извлекал квадратный корень из $a+b$ и отвечал на вопросы «Как зовут нашего императора?», «Когда правил Юлий Цезарь?», на самом-то деле ничего этого не знал и не понимал; зато Умный Ганс зорко следил за хозяином и, улавливая едва заметные его сигналы, стучал копытом или переставал стучать. Надо все-таки отдать должное и Умному Гансу: если он и не сознавал, что обозначает своим копытом, то, во всяком случае, твердо усвоил, когда и как надо стучать. «Знают» и «запоминают» лошади вообще очень прочно. Куприн со слов наезд-

ника Черкасова записал о лошади: «Ее чертовская память! На беговой дорожке ей памятливы все места, где она раньше засбоила, или была обойдена, или испугалась хотя бы занесенной ветром афишки, или была приведена в порядок хлыстом».

Редко встречается среди лошадей собачья привязанность к хозяину, к определенному человеку. Конечно, того, кто имеет с ней дело изо дня в день, лошадь запоминает и признает, отзывается на голос. Она сама этот голос приветствует, но не громким ржанием-призывом, а так, одобрительным похихатыванием, тем звукосочетанием, которым обозначена у Свифта страна игогогов-лошадей: гуигнгнм... Жизнь заводской, призовой, спортивной лошади такова, что ей к одному человеку привыкнуть трудно, нет достаточного времени – она переходит из рук в руки. Другое дело лошадь ездовая, лошадь степная или горная, азиатская или кавказская: она, часто случается, от рождения до смерти служит одному человеку. Она растет на руках у хозяина, потом всю жизнь носит его у себя на спине... Там, среди горцев или степных кочевников, знают цену верной лошади, цену коню-товарищу, коню-другу:

*Он и от вихря в степи не отстанет,
Он не изменит, он не обманет.*

И конь привязывается к хозяину. Такая лошадь, если

вдруг попадет она в новые руки, другого своим господином может и не признать, во всяком случае будет жестоко сопротивляться, вести себя словно неук – дикий, необъезженный конь. Вспомним рассказ Бабеля «Аргамак»: новобранцу ни за что не хотел подчиняться конь, доставшийся ему от прежнего хозяина.

* * *

Позволю себе поделиться и собственным опытом. Приехали мы с женой в Северную Дакоту, городок Витленд – Пшеничный, в гости к фермеру и ковбою: знаком с ним уже целую жизнь. На другой день устраиваются местные соревнования по загону скота. Ради моего же удовольствия друг мой настаивает, чтобы я принял в них участие. У меня же лошади нет! Он предлагает свою – сам он поехать на соревнования не может: занят пшеницей. Уверяет, что нрав у лошади совершенно соответствует ее кличке, а зовут эту рыжую кобылу Прелесть. Погрузили Прелесть в фургон, завел ее собственноручно мой друг, а фургон – соседа, тоже ковбоя и фермера, но занимается не пшеницей, а только коровами, поэтому со своими лошадьми ехал на загон. И мы отправились. Прибыли, вывел я рыжую – бесспорно! – прелесть, привязал к фургону, поседлал. Жена говорит: «Встань к ней как можно ближе», – она решила нас сфотографировать. «Еще ближе»... Если бы я успел выполнить указание своей супру-

ги, и ещё сантиметра на два приблизился к несвоей лошади, то, пожалуй, моей жене пришлось бы доживать свой век вдовой. Прелесть, кажется, только того и ждала, она взвилась, и ее передние копыта едва не вонзились мне в грудь. Удержала веревка, за которую кобыла была привязана, — оказалась достаточно коротка. Узнав о случившемся, друг мой покачал головой: «Как же так? Странно! Ведь ты же мой друг». Да, но его лошадь того не учла.

* * *

Абсент из туркменских степей — ахалтекинец. Нужна была твердая мастерская рука, чтобы сделать из Абсента ту подвижную картинку, какой во всем мире теперь любят. Посмотрите, у всякой лошади, что прошла филатовскую выучку, на боку внизу за подпругой — маленькая, черненькая кожаная потертость: под шпорой, под шпорой! «Нелегко дается прекрасное», — сказал Платон. Вот мы на манеже, и кажется, словно бал, «высший свет», парад красоты и изящества. Елена Петушкова на Пепле, Александр Второв на Валерике, Иван Калита на Корбее... Все будто так и должно быть: шеи изящно чуть согнуты, головы картинно приподняты, ноги по-танцевальному вылетают вперед и копыта едва касаются беззвучных опилок. Беззвучность движения по манежу только добавляет легкости и полета коням.

Каждая эпоха выездки утверждала, что она приносит ло-

шади все большую естественность в упражнениях «высшей школы». Конечно, что считалось естественным на манеже Версаля в конце XVIII столетия, потом, сто лет спустя, ниспровергал Филлис как вычурность и ненужность. А мы в 1952 году потерпели неудачу на Олимпийских играх отчасти именно потому, что все еще держались Филлиса, между тем как повсюду многие его приемы были уже сочтены искусственными, сковывающими лошадь.

– Теперь главное, – говорит Николай Федорович Шеленков, государственный тренер по конному спорту, наблюдающий за тренировкой, – это четкое выполнение обычных аллюров: рыси, простой и прибавленной, галопа, перемены ног на галопе, переход из галопа в рысь и наоборот, – остановка и начало движения. Кажется, проще, чем старинные пируэты. Однако тут есть коварный секрет: смотрят на лошадь и учитывают, что дала ей сама природа и как сумел улучшить естественные данные человек. Это испытали на себе Сергей Филатов и его замечательный Абсент. Можно сказать: за что их признали лучшими в Риме, то поставили им в минус на Токийской олимпиаде.

«Все с большим интересом ожидали выступления олимпийского чемпиона по выездке Сергея Филатова на Абсенте, – писал тогда старший судья соревнований полковник Франтишек Яндл (Чехословакия). – Однако езда Филатова вызвала некоторое разочарование, хотя его красивый конь остался, без сомнения, таким же, каким он был».

– Видите, – продолжает Николай Федорович, – мнение эксперта: «Те качества, которые конь не получил от природы, не помогла восполнить выездка». В Риме Абсент всем очень понравился выполнением пассажа, пиаффе, прямолинейной переменой ног. Его переходы из аллюра в аллюр нашли идеальными. А в Токио отметили: «У Абсента не улучшился прибавленный шаг, недостаточно опущен круп при максимальном сборе». И Филатов остался в Токио третьим. Правда, многие не согласны с предпочтением, какое отдала судейская коллегия западногерманским всадникам. Работают они, конечно, мастерски, но в их выездке нарушен, по общему мнению, главный современный принцип – легкость. Легкость – верный признак выездженности лошади. А какая же может быть легкость, когда лошадь держат грубым поводом.

– Ихор у Ивана Кизимова движется очень легко.

– Иван Кизимов труженик! Невозможно рассказать вам, насколько его триумф в Мехико был заслуженным, как много вложено сил, мастерства и выдержки в эту победу. Кизимов обладает редкостным качеством: чем крупнее соревнования, тем увереннее он выступает. Чаше случается наоборот: всадник прекрасно подготовил коня, а нервы в борьбе подводят его. Иван человек железный. Такое самообладание в сочетании с мастерством – это суперспортсменство.

– Кто, по-вашему, наряднее – Абсент или Ихор?

– Абсент – красавец, однако в нем есть нечто экзотиче-

ское. Таков уж... тип этой лошади: Абсент сам по себе. Ихор более стандартен в лучшем смысле слова. Он определеннее представляет свою породу. Это украинский верховой конь. Важно, что в лошадях Александрийского завода, откуда вышел Ихор, сохранилась кровь орлово-растопчинцев, нашей замечательной отечественной породы, к сожалению, исчезнувшей. Не уберегли! Вот уж были красавцы – идеальные спортивные лошади, особенно на манеже для выездки. Где только на международных выставках ни появлялись орлово-растопчинцы, им безоговорочно отдавали за красоту первые призы. Так ведь?

Орлово-растопчинцы в названии соединили имена своих создателей Орлова и Растопчина, а в экстерьере сочетали благородство арабской, темперамент английской, внушительность голландской, а также прочность донской лошади. Вельможные заводчики были между собой враги и ревновали друг друга к успехам в коневодстве. Была у их взаимной неприязни и политическая подоплека: братья Орловы вращались в кругу масонов, а Растопчин являлся противником масонства.

Алексей Орлов, взявшись вывести не только скакунов, но и рысаков, брал размахом, роскошью, он экспериментировал в скрещивании лошадей широко. Военные фрегаты привозили ему с Востока и Запада коней десятками, даже сотнями; бескрайние владения в воронежских степях позволяли содержать и воспитывать молодняк в любых условиях. У Рас-

топчина таких возможностей не было. Постройки его завода в подмосковном Воронове сохранились, хотя в свою очередь используются по другому назначению: где некогда хранили лошадей, там теперь отдыхают люди – в изящных помещениях, которые с внешней стороны и перестраивать не требовалось, а внутри людям пришлось всего лишь потесниться – не каждому же отдыхающему, в отличие от лошадей, предоставлять отдельный денник, по-человечьи – комнату. А по сравнению с конными хорами, воздвигнутыми Орловым, у Растопчина был завод-игрушка.

Растопчин не только держался куда скромнее, чем Орлов, главное, он всячески старался по существу, по кровям вести свое дело особняком, независимо от Орлова. Когда же, однако, историки коневодства разобрали родословные орловских и растопчинских лошадей, то стало ясно, что мысль двух вельможных заводчиков двигалась одним и тем же путем. Оба вели породу по линиям от арабских жеребцов, приливая кровь то английскую, то немецкую, то горскую, то степную, то подсушивая, то укрупняя приплод.

Орловские верховые лошади начались от бурого арабского Салтана, сына его Салтана, внука Свирепого, правнука Ашонка, правнука Яшмы 1-го, а также от арабского белого Сметанки, сына его Фелькерзама, внука Фелькерзамчика, правнука Фаворита 1-го, праправнука Фабия.

У Растопчина порода была ведена от арабского Кади, сына его Окади, внука Ради и от арабского Каймана, сыновей

его Тиктана, Гулака и Блака, а также внуков Жмака, Бояка и Базака... В этом пункте зоотехник Дюжев меня поправил: «Орловская верховая лошадь пошла не от Салтана, а от Салтана 1-го. Потом от него и арабской матки родился также не Салтан, а Салтан 2-й, гнедой, отец знаменитого в свое время Свирепого 2-го. От Свирепого 2-го и англо-арабской кобылы родился Ашонок, а от него – Яшма, но не 1-ый, а тот, который много лет стоял главным производителем в Хреновском заводе. А растопчинская лошадь пошла не от двух, а четырех арабских жеребцов, а именно от Кади, Драгута, Каймака и Ришана, купленных в Аравии в окрестностях Мекки, и от чистокровных английских кобыл. Впоследствии на заводе Растопчина употреблялись также жеребцы персидские, турецкие и английские, в числе последних был знаменитый Пикер».

Чем знаменит Пикер, виноват, не знаю. И спорить о родословных не смею. Только надо ещё удостовериться, нет, не в знаниях опытного зоотехника, а в надежности источников его обширных знаний. Можно ли верить старинным племенным аттестатам? И все ли они сохранились?

Как бы там ни было, типом лошади этих двух пород были очень сходны, хотя растопчинцы выходили чуть мельче, но зато практичнее. Бабки у них были упруги, шеи короче. Постоянная работа в манеже развила у орловских лошадей из поколения в поколение чрезмерно длинные, изгибистые шеи. Конники находят их неудобными. Хотя лошадь не хо-

дит на голове, — так рассуждают конники, — но несет ее перед собою, а потому шея и голова не должны обременять переда лошади.

Орловские лошади работали преимущественно в манеже, растопчинцы скакали на ипподроме, и притом успешно, не уступая выводным скакунам из Англии. В сущности, как считают специалисты, Растопчин в тесных пределах своего завода совершил то, что в свое время сделала целая страна Англия, создавшая отечественную породу скакунов.

Много лет спустя после смерти Орлова и Растопчина их верховые лошади поступили в государственный завод, и там вражда владельцев уже не мешала соединить их в одну породу. Если арабские лошади с их агатовыми глазами, сухой и породной головой, лебединой шеей и безупречными ногами считаются образцом конского изящества и благородства, с тем лишь изъяном, что они малы ростом и не очень резвы, то орлово-растопчинцы, сохранив гармонию форм арабской лошади, были крупнее и резвее. «Игрушка стала настоящей вещью», — так выражались знатоки, сравнивая орлово-растопчинцев с арабами. «Надобно видеть этих лошадей, чтобы понять тот восторг, который они производили», — говорит современник. Франт, Факел и Фазан, представленные в Париже на Всемирной выставке 1867 года, были оценены как «искомое совершенство верховой лошади». Факел удостоился среди всех лошадей, показанных на выставке, высшей награды, и не получил ее только потому, что вместе с другим

золотым медалистом Бивуаком был подарен французскому правительству. Впрочем, золотые награды перешли нашим же лошадям – верховому Искандеру-Паше и рысакам Недотроге и Бедуину. И все-таки этим исключительным лошадям не везло, несмотря на восторги, ими повсюду вызываемые.

Об угасании породы разговоры начались чуть ли не с тех же самых пор, как порода возникла. И дело не в лошадях, а людях возле лошадей. На эту тему зоотехник Изгородин из Боровска рассуждал следующим образом: «Теперь снова приходится доказывать, что земля круглая, а это нелегко. Для улучшения и воссоздания былой славы орловцев нужен талант, любовь и время. Нужна лошадь-орловец, которая бы на ипподроме била любых соперников, в деревне возила бы бригадиров и специалистов, в лесу – геологов и лесников, на фермах – корм скоту, к тракторам – воду, делала бы еще много-много работы накоротке. Была бы красива, быстра и сильна. Давала бы наслаждение любителям конного спорта и даже просто людям, любящим прекрасное. Это может сделать только орловец, с которым нужно поработать таланту заводчика. Нужно еще сильнее и ярче стоять за орловца и поднять на пьедестал его создателя А. Г. Орлова. Меня покораляет фигура графа Алексея Григорьевича Орлова, фигура колоритная, получившая почти одинаковую оценку своих современников и современников наших, человека не безупречного (на совести его княжна Тараканова), но умного, до безграничности храброго и очень талантливого, доступного всем

и все же человека своего века и клана, великого зоотехника и флотоводца, воспетого Державиным и Пушкиным. Пробовал я кое-кому из писателей намекнуть на эту тему, но говорят – пиши сам, а у самого таланта и нет». (Литературная самооценка Изгородина мне представляется излишне суровой. Даже по этому фрагменту из его письма можно видеть дарование, как знаток пользуется свойственным ему языком конника!)

Порода то угасала, то вроде бы вновь возрождалась – блистала, подтверждая при всяком случае свои достоинства, как блеснули перед Отечественной войной на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в Москве последние орлово-растопчинцы. Грустная история! Порода пропала, рассеялась подобно тому, как неразрешимой для нас тайной остался греческий боевой огонь, как затерян секрет ямайского рома и булатной стали. При мысли о судьбе наших отечественных верховых лошадей возникает то же щемящее чувство, что при виде беспризорных развалин зданий былой славы.

– Да, украинским конникам спасибо, что по крупяцам они восстанавливают тип, сходный с орлово-растопчинской лошастью. И победа Кизимова на Ихоре им большая награда.

– Еще бы! – подтверждает Шеленков. – Проблема спортивной лошади для нас существеннейший вопрос. Возьмите, например, конкур...

Конкур – преодоление препятствий на лошади по определенному маршруту. Тренер заговорил об этом виде конного

спорта, должно быть, потому, что группа выездки закончила работу и на манеж выносили барьеры. Будут прыгать.

– С этим видом конного спорта у нас просто парадокс какой-то: прекрасные всадники и более чем средние лошади.

– Позвольте, ведь Борис Лилов, победитель Приза наций, получил в Париже, кроме того, особый приз «за мастерство езды», а Эрнест Шабайло занесен в Золотую книгу города Гамбурга. За тридцать лет существования Гамбургских состязаний только пятнадцати конникам удалось...

– Я и говорю вам – прекрасные всадники!

– В чем же дело с лошадьми?

– У нас нет или почти нет специальных конкурных лошадей. Удачей нашего спортсмена считается получить чистокровную скаковую лошадь: она, по крайней мере, резва и прыгуча. Но, кроме того, она страшно темпераментна, нервна, она поступила со скачек и знает только одно – лети по прямой. Конкурист должен ехать по маршруту с расчетом, выбирать нужное положение, чтобы подойти к препятствию, а ему приходится тратить все силы на борьбу с темпераментом лошади.

– В «Основах выездки» Филлис говорит, что предпочитает чистокровных.

– Если вы прочтете Филлиса внимательнее, то увидите, как тщательно выбирал он лошадь по всем статьям и как долго ее готовил. И разве я говорю, что чистокровная лошадь в прыжках не годится? Вы ведь знаете, какой смысл име-

ет у англичан понятие «чистокровная», то есть, совершенная и по породе и по всем свойствам лошадь. Однако гладкие скачки развивают у этой лошади одни качества, конкур – другие. За рубежом существуют специальные тренировочные депо, которые готовят для спортсменов лошадей резвых, но вместе с тем достаточно спокойных, выездженных. Важен возраст лошади и, наконец, ее пол. До шести-семи лет лошадь для прыжков и троеборья считается молодой, хотя ее ипподромная карьера к этому времени давно заканчивается. Серьезные зарубежные спортсмены только готовят лошадь с четырех-пяти лет к прыжкам, а у нас пятилетние лошади прыгали иногда в ответственных соревнованиях. И по нашим троеборцам (манежная езда, кросс и конкур), тоже очень способным, опять-таки видна нехватка специальной троеборной лошади, хотя мы уже дважды были чемпионами Европы.

– Где взять таких лошадей?

– У нас ли нет лошадей! Только использовать их надо с толком. Есть чистокровные, есть различные местные породы. Нужна добротная полукровная лошадь и систематическая организация выезда этой лошади. Наш спортсмен сам вынужден тратить время на предварительную подготовку лошади, а Винклер или Тидеман, сильнейшие конкуристы мира, получают почти готового коня от профессионального берейтора. Это машина, а не лошадь.

Машины, машины – вот они, как только вышел за дверь

манежа. Все же горьковатый и терпкий аромат конюшни, перебивая все запахи, держится в одежде и напоминает теплый полумрак, носы и уши сквозь решетки, на пружинистых опилках беззвучную карусель всадников и заботы людей, которые защищают конноспортивную честь нашей страны.

Требования к хорошей лошади, или Всегда в посыле (Почерк чемпионов)

Для сборника о наших выдающихся спортсменах в серии «Жизнь замечательных людей» мне заказали очерк. Решил я вспомнить всадника, которого хорошо знал. Это – Борис Михайлович Лиллов, шестикратный чемпион страны, один из четырех наших конников, взявших в Париже Приз Наций, а его удостоили ещё и особой награды – «За обаяние в езде». Некогда он принял меня в конно-спортивную школу «Труд», где заведовал учебной частью. У меня была фотография – Лиллов в прыжке – на обороте которой кто-то вывел строки:

*Птица в полете,
Рыба в воде —
Таков был Лиллов
На манеже везде.
И помнит Германия,
Франция – тож:
На птицу в полете
Был Борька похож.*

Когда Лиллов летел над барьером, становилось понятно, почему это называется «искусством верховой езды»: стиль,

почерк. Все-таки решил я уточнить, в чем заключается искусство с точки зрения мастеров этого искусства.

Вот что услышал я от Фаворского Андрея Максимовича, входившего вместе с ним вместе в ту самую «замечательную четверку». Вопрос я поставил так: почему звезда Лилова закатилась, когда сошла с арены его Диаграмма? Кто фактически выигрывает – конь? Много ли приходится на долю всадника?

Обстановка нашей беседы: конюшня, амуничник, где хранятся седла и прочее снаряжение, Олимпийский чемпион по выездке Иван Кизимов чистит после езды удила и стремяна, ветфельдшер готовит таинственную смесь для втираний.

Фаворский (*сидя на сундуке с овсом*). Лошадь должна быть талантлива. У неё должны быть душа, ум, сердце и другие природные данные, необходимые в нашем деле. Диаграмма у Бориса была талантлива. Мой Крохотный талантлив. У Лисицына Пентели, небольшой, лещеватый, узковатый, значит, а талантливый, просто талантливый! Порода? У нас в конкуре свое понятие о породе. Конкур – не скачки, паркур (маршрут) – не ипподром. Скакуну нужна резвость и ещё раз резвость, все остальное – постольку-поскольку... А конь конкуриста должен обладать такими свойствами, что они вроде бы взаимоисключают друг друга. И в конкуре нужна резвость: как иначе наверстать время, упущенное при повалах? Но резвость – нервы, а с чрезмерными нервами на манеже делать нечего. На паркуре от коня и седока требует-

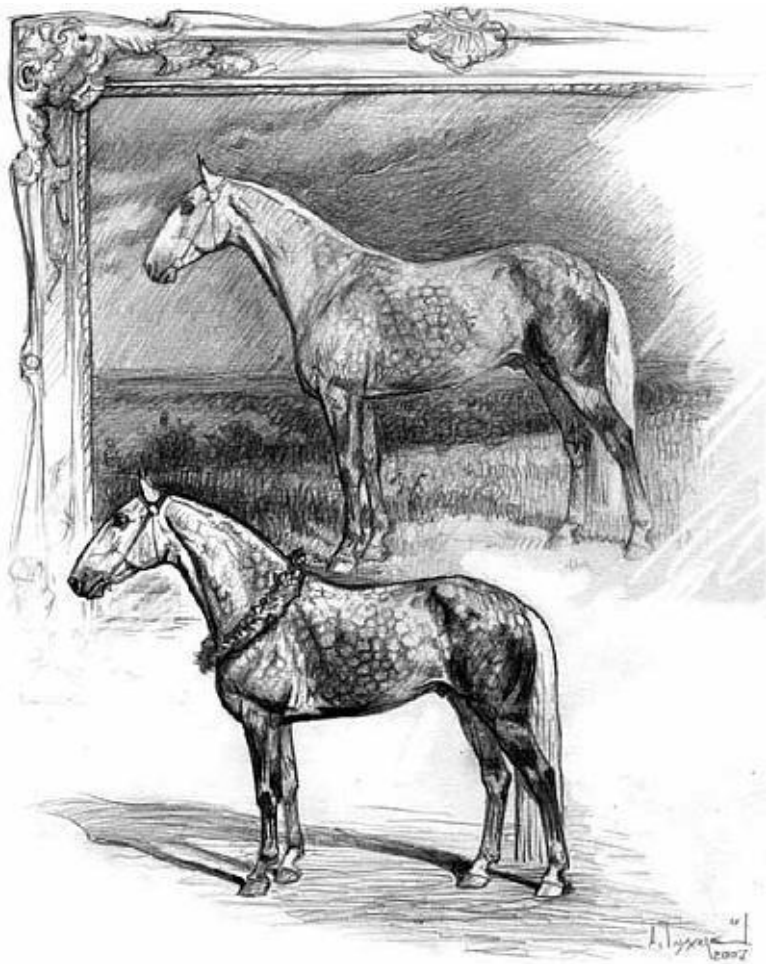
ся прежде всего расчет. Борис всю жизнь ехал по маршруту: всегда в посыле! По улице шел и высчитывал темп прыжка до каждой лужицы. Он даже во сне брал барьеры. В чем заключался его секрет? Нет сомнения – руки. Ну, и голова, конечно. Чувство лошади! Как никто, чувствовал он, когда нужно «снять» лошадь и поднять её перед препятствием на прыжок. В этом Борис не знал себе равных... *(В конюшенном коридоре слышен шум. «Терентьич ребят отчитывает», – поясняет Фаворский. Выглядываем в коридор: тренер сборной, Григорий Терентьев говорит: «Ездить надо уметь! Повод держать как следует и в седле по-настоящему сидеть!»). Перед ним стоят... чемпионы Иван Калита и Елена Петушкова.)*

Фаворский *(вернувшись на сундук, продолжает)*. Борис понимал лошадь, но и лошади его понимали. И Бриг, и Атлантида, а уж Диаграмма в особенности. Она, кстати, поступила в спорт со скачек, но скакала бесцветно, а на манеже нашла себя. Она обладала природным сбором: от рождения дана ей была гармония движений, а в прыжке это – всё. Трудно было в самом деле уловить, кто же из них двоих рассчитывает, как действовать, когда шли они с Борисом на препятствие. С любого положения, с любой ноги эта небольшая кобылешка взлетала, как мячик. Была незлопамятна. Борис никогда её не наказывал, но ведь напряжения приходилось выдерживать страшные. А с кобылами, известно, как бывает: отобьешь душу, переработает и – конец! Но Диаграмма

была отходчива. Умела себя беречь, сама распределяла свои силы, но без лукавства, без отлынивань. Открытая сердцем, откровенная по езде, да что говорить, талантлива была...

Жизнь замечательных лошадей

*«В Рай не пойду, если не будет там лошадей!»
Канингам-Грэхем*

Вечные кони

«Скажу – рысак».

А. С. Пушкин

Прекрасно, что в каждой стране, где развиваются свои, национальные традиции конного спорта, есть некая исключительная, легендарная лошадь, «лошадь нации», «лошадь века». У англичан это, должно быть, Эклипс или же Сент-Саймон, у американцев Грейхаунд или Фрегат (Ман-оф-Уор), у австралийцев Фар-Лэп, у итальянцев Рибо, у венгров Киншем, а у нас, конечно, Крепыш. «Все рекорды Фар-Лэпа давно побиты, но дело тут не в рекордах», – справедливо пишет «биограф» знаменитого австралийского скакуна. Не одна резвость, не только класс, а своего рода «биография», «судьба» отличает особенную, «историческую» лошадь.

Живописцы увековечивают таких лошадей на полотнах, как, например, сам Серов написал Летучего, академик Самокиш сделал портрет его сына – Громадного, а Савицкий запечатлел схватку Улова, правнука Громадного, с Талантливым и Пилотом. Профессор коневодства В. О. Витт говорил о серовском портрете Летучего: «Подходя к картине, вы сразу замечаете ярко выраженную индивидуальность жеребца. Создается впечатление, что Летучий хочет ударить,

отбросить непрошеного посетителя, осмелившегося чересчур близко подойти к нему. Недоверчиво строгим взглядом смотрит жеребец, и становится ясным, что его огневой темперамент лишь с трудом поддается обузданию со стороны человека, с не меньшим трудом, чем поддается он запечатлению на полотне художника». На этом портрете выдающегося рысака мы видим ту богатую кость, ту породность, что сказываются в потомстве этой линии до сих пор.

Таким лошадям ставят памятники: возвышаются в Лавровском заводе Тамбовской области всесоюзные рекордисты отец и сын – Подарок и Первенец, а на Выставке достижений народного хозяйства у павильона «Коневодство» застыли Символ, родоначальник буденновской верховой породы, и чемпион среди орловских рысаков Квадрат. Причем Квадрату поставлено даже два памятника: создана конеторговая фирма под именем «Квадрат», и там бронзовая скульптура знаменитого рысака тоже украшает площадь перед манежем и конюшней.

Феноменальный Грейхаунд, мировой рекордист, занимал собственный «музей» в Иллинойсе до преклонного – тридцатилетнего – возраста. Точно так же у нас в учебно-опытной конюшне Тимирязевской Академии состоял почетным пенсионером выдающийся скакун 1920-х годов Будынок, доживший до тридцати двух лет. Когда в Национальный музей Австралии в Мельбурне было поставлено чучело Фар-Лэпа, то число посетителей музея заметно увеличилось. Приходи-

ли люди и с порога задавали только один вопрос: «Где Фар-Лэп?» и торопились к нему, не замечая прочего. Некоторые обращались к администрации с просьбой убрать из зала, где стоял Фар-Лэп, все остальные экспонаты, чтобы ничто не мешало, как выразился один энтузиаст, «вспоминать о прошлом наедине с великим скакуном».

О таких лошадях пишут книги. Годольфина-Арабиана, родоначальника английской скаковой породы, прозванного Черным Принцем, сделали «героем» своих произведений французские романисты Эжен Сю и Морис Дрюон. В романы, повести попали и Красавец Вороной и Тальони. Резвейший рысак XIX века, гнедой Бычок, отмечен в «Былом и думах». Надо ли напоминать, что шедевры *иппической* литературы – «Холстомер» и «Изумруд» – написаны не о каких-то вымышленных лошадях, а о реальных, гремевших в свое время ипподромных бойцах? Документально выдержано описание лошадей и призов у Голсуорси. Можно сказать, что по страницам «Саги о Форсайтах» проносятся все скаковые знаменитости первых десятилетий нашего века: тут и Блейнгейм, и Соларио, и Сансовино.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.